

ВЕРА ПЕТРУК

A detailed illustration of a young woman with long, wavy, light-colored hair, wearing a dark, hooded, intricately detailed coat. She stands in a dark, misty forest with bare, gnarled trees. In the foreground, a small, pale, elf-like creature with large ears is curled up, appearing to be asleep or dead. The overall mood is somber and mysterious.

ПОКА ДРЕМЛЮТ
АСПИДЫ

Annotation

Молодая селянка Ламия получает работу в замке главного мага королевства — Крона, надеясь выбиться в жизнь. Но реальность оказывается суровой, и девушка успевает возненавидеть мир магии, попав в водоворот конфликта Крона и древнего колдуна, которому нет равных в магическом искусстве. Волею случая став единственной, кто может помочь Крону, она заключает с ним сделку, не подозревая, что цена, заплаченная за помощь магу, может быть слишком высока.

Пока дремлют аспиды

Вера Петрук

ГЛАВА 1. Золотой дракон

Последние лучи солнца коснулись золоченного шпиля и погасли, оставив воспоминания о тепле, свете и доброте летнего дня. Пару секунд чарующие отблески еще танцевали на башнях замка, а в следующий миг белые камни цитадели окрасились в розово-лиловый, предвещая таинство вечера. Мерцающая дорожка протянулась к красному диску почти утонувшего в воде светила — на Маро Озере догорал закат.

Никогда в жизни Ламия не была так счастлива, как в тот первый день работы в замке главного мага Альцирона. И хотя должность посудомойки нельзя было назвать целью ее жизни, по сравнению с тяжелой работой на отцовской ферме место на кухне было теплым, сытным, а главное — хорошо оплачиваемым. Родная деревня Ламии лежала у подножья магической крепости, и все жители Яникова Светоча завидовали тем счастливым, кому удавалось устроиться прислугой в Обитель Сияющих.

Ближайший город Хартум находился далеко, поэтому для деревенской молодежи Цитадель была едва ли не единственной возможностью познакомиться с миром и цивилизацией. Каждый месяц маги открывали двери замка для ярмарки, где на нехитрые сельские товары можно было выменять лекарственные травы, свитки с заговорами, волшебные стрелы, не знающие промаха, обереги и многие другие незаменимые в деревенском быту вещи. А иногда маги проводили для детей экскурсии, разрешая не только гулять по колдовскому саду, который оставался зеленым и цветущим в любое время года, но и подниматься на самую высокую башню замка, откуда виднелось все Маро Озеро.

И конечно, каждая девчонка Яникова Светоча мечтала выйти замуж за ведьмака, колдуна, чернокнижника, чародея, а может даже и мага, хотя последних в цитадели было всего несколько человек, включая хозяина — мага Крона. Раз в полгода в замок приезжали молодые ученики со всего Альцирона, которые проходили в цитадели стажировку перед самостоятельной карьерой. И хотя амурные дела Сияющих интересовали редко, а еще реже — брачные союзы с деревенскими девушками, подружки Ламии не теряли надежды и с увлечением пересказывали местные легенды о неземной любви пастушки и чернокнижника, доярки и колдуна, ткачихи и мага.

Когда тетушка Ламии пристроила племянницу на освободившееся место на кухне, по деревне сразу расползлись слухи о том, что дочь фермера скоро выйдет замуж за одного из Сияющих. Ламия, которая с молоком матери впитала уважение и едва ли не преклонение перед магической силой людей из цитадели, была не против найти жениха среди Сияющих, однако куда сильнее ей самой, да и всей семье, вскружила голову обещанная зарплата — десять золотых в месяц. Таких денег отец не зарабатывал даже в самые урожайные годы, а последние несколько лет фасоль и кукуруза родились плохо, и семья бедствовала. Когда же маги выдали ей аванс — три золотых, Ламия едва поверила своему счастью. Две монеты пришлось отдать отцу, чтобы расплатиться с долгами, зато на оставшуюся часть она накупила сладостей для малышни и целый день чувствовала себя королевой, купаясь в щедрым детском внимании.

Ламия любила своих шестерых сестер и четверых братьев и думала, что когда-нибудь у нее будет столько же детей, сколько у матери. И да — она мечтала о таком муже, как ее отец, который находил силы на ласковые слова жене даже после тяжелой работы в поле и отдавал лучший кусок детям, предпочитая недоедать сам. Но в отличие от подруг Ламия смотрела на

мир трезвыми глазами и не считала, что какой-нибудь молодой чародей захочет променять высокие знания и тайны Вселенной на любовь посудомойки из деревни. По слухам, большинство колдунов вообще давало обет безбрачия, чтобы усилить магические способности.

Как бы там ни было, но в первый рабочий день она думала совсем не о женихах. Ламия была готова к любым трудностям лишь бы не опозориться и не потерять место, на которое претендовало еще подружек десять из деревни. Ведь помимо денег работа значила для нее если не дверь, то хотя бы окно, приоткрытую створку, в большой мир. Она любила Яников Светоч и мечтала быть похороненной на сельском кладбище рядом с предками, но ей отчаянно хотелось раскрасить жизнь между рождением и смертью иными красками, чем те, что обещали деревенские просторы.

Кухня замка оказалась не просто большой — она была огромной и занимала несколько подвальных помещений Северной Башни. К главной кухне примыкали кладовая, винный погреб, пекарня, маслобойня и еще одна зала, куда заходить было нельзя. Как объяснили Ламии, там хозяйничали маги — готовили зелья и привороты, которые к пище отношения не имели. В центре основной кухни располагался главный очаг, большие каминные также были встроены в стены и тянулись по бокам комнаты. Некоторые очаги были настолько объемными, что могли вместить сразу две коровьи туши. Гигантские котлы, висящие на крюках, вбитых в стены внутри каминов, поражали воображение, как и другая кухонная утварь, которая висела на деревянных балках под потолком, громоздилась пирамидами на массивных столах, выпирала из шкафов и буфетов. Чего здесь только не было — кастрюли и сковородки с длинными, причудливо изогнутыми ручками, глиняные горшки, маслобойки, решетки для жарки, вертела разных размеров, вафельницы, металлические крюки для дичи, ножи для свежевания и резки, черпаки, соусницы, терки, колотушки, пучки прутьев для взбивания, ступки и пестики, и конечно, горы разнообразных чашек, супниц, тарелок и кружек. Все это Ламии предстояло мыть и чистить.

И хотя она готовилась к худшему, первый рабочий день прошел настолько легко и волшебно, что теперь, стоя на башне и любуюсь закатом на Маро Озере, Ламия с трудом верила, что все это происходит с ней, в ее жизни. Главная по кухне, которую называли Хозяйкой, оказалась замечательной, доброй женщиной с открытым лицом и ласковым голосом. А то, что она была без носа, лысой и с татуировкой в виде птицы на всю макушку — так это значения не имело. Впрочем, если бы Ламия встретила ее до знакомства и не на кухне, например, в коридоре ночью при свете луны, то, наверняка, еще пару дней бы заикалась. Она не знала, что случилось с женщиной, но рваные шрамы вокруг темных отверстий на месте носа могли напугать любого. Больше всего старая рана походила на укус зверя, однако медицина магов исправляла и не такие шрамы, и можно было лишь гадать, почему Хозяйка оставила их на память.

Но внешность обманчива — так учили Ламию с детства, и она в очередной раз убедилась, что отец был прав. Хозяйка показала ей рабочее место рядом с камином, где на нескольких лавках стояли огромные кадки, всегда наполненные водой; рассказала, где хранятся тряпки, мел, кирпичная крошка, зола, запасы крапивы, водорослей и хвоща, а также горчица и песок для мытья посуды; познакомила с Ирманом, мальчишкой из соседней деревни, который наполнял и опустошал чаны; научила, как обрабатывать руки специальной мазью, чтобы защитить кожу; и накормила вкусной похлебкой, прежде чем допустить к работе. Посуды было много и поступала она постоянно, так как в замке проживало триста

человек, которые питались круглосуточно, без режима. Но Ламия не успела устать, потому что через пару часов к ней присоединилась вторая посудомойка — улыбочивая старушка по имени Мирра, которая пришла на кухню с третьей помощницей. Рина, конопатая толстушка средних лет, заявила, что Ламии нужно освоиться, поэтому они поработают за нее вечером. О таких напарницах можно было только мечтать.

Хозяйка объяснила ей, что в замке ходить можно везде, потому что в запретные места она попасть не сможет — дверь просто не откроется. Поэтому Ламия с наслаждением окунулась в загадочную атмосферу цитадели и бродила по коридорам, галереям и лестницам до самого вечера. В главный донжон, где жили и работали Сияющие, она, разумеется, не попала, но ей хватило и того, что ее пропустили на крышу Северной Башни, которая должна была стать ее домом на ближайшие пять лет — время контракта. В Северной находились хозяйственные помещения цитадели, начиная с кухни и заканчивая прачечной, но за те часы, что Ламия бродила по замку, она не смогла обойти и половину комнат. Можно было только представить, насколько огромной была главная крепость, которая возвышалась над Северной Башней, словно могучий дуб над полевой ромашкой.

В первый день Ламия так и не увидела Сияющих, зато обнаружила, что с вершины крепости виден весь мир, в котором она жила последние двадцать лет. Прямо под ней расстилалось величественное Маро Озеро, водная колыбель, по преданиям предков родившая Мать Солнце и Отца Месяца. И хотя сельский священник грозил наслать божью кару на голову любого селянина, посмеявшегося вспомнить языческие предания, в глубине души Ламия больше верила в Солнце, Луну и Звезды, чем в Единого Бога, о котором впервые услышала лет десять назад. Тогда королева Селена отрубила голову своему брату Вальдемару и села на трон Альцирона, посадив по правую руку Крона, главного придворного мага, а по левую — Леонарда, первосвященника Единого. Крон и Леонард грызлись между собой, как псы на собачьих боях, но так как Башнями Силы, охраняющими Альцирон от кровожадных угеритов с востока, управляли маги, перевес пока сохранялся на стороне Крона.

Ламия крепко ухватилась за каменные перила и перегнулась через них, пытаясь разглядеть Яников Светоч. Деревню уже накрыли вечерние сумерки, но в мареве догорающего заката еще виднелся тракт, белый шпиль церкви и черепичные крыши жилых домов. Где-то там готовилась ко сну ее семья, и Ламия испытала невероятное чувство гордости за свое нынешнее положение. У нее до сих пор ломило спину после прощания с отцом — так крепко он ее обнял. А от воспоминаний о прощальном взгляде матери наворачивались слезы. Ничего, три недели пролетят быстро, а там и заветный выходной. И хотя оставшиеся семь золотых еще предстояло заработать, Ламия часто представляла, как она выложит их на стол перед изумленными сородичами. Вот радости-то будет.

Перегнувшись еще ниже, она вытянула шею и посмотрела налево. Там чернела гряда Восточных Гор, и сверкала, словно алмаз среди угля, Вторая Башня Силы, охранявшая границы Альцирона. Ламия не помнила времен, когда набеги угеритов случались так же часто, как и восходы солнца. Зато она помнила бабулю, у которой не было руки и одного глаза, а кожа лица походила на подошву отцовского сапога — следы угеритских набегов на земли Яникова Светоча в далекие темные годы страха и печали. Цитадель Крона находилась на самой границе земель Альцирона и Царства Угеритов, поэтому была окружена шестью Башнями Силы, но сейчас Ламия видела всего одну. От взгляда на гордый белый шпиль, уносящийся к темным небесам, у девушки, как всегда, побежали по спине мурашки. Она жила рядом с Обителью Сияющих, а теперь и работала в ней, но именно Башни Силы

казались ей воплощением мощи магов Альцирона. В их силу было куда легче поверить, чем в могущество Единого Бога, о котором много говорили, но которого никто никогда не видел.

Сощурившись, Ламия постаралась разглядеть город Хартум, лежавший на другом берегу Маро Озера, но ночь стремительно наступала, покрывая горизонт непроницаемой шалью. Еще раз окинув взглядом бескрайнюю озерную гладь, Ламия уже собиралась спускаться, как вдруг ее внимание привлекла сверкающая точка, искрой промелькнувшая над водой. Решив, что увидела падающую звезду, она заулыбалась, так как никогда не видела таких звезд раньше, но много слышала об их чудотворной силе — стоило лишь загадать правильное желание. Пропавшая было точка вдруг засверкала снова и как будто увеличилась в размере. Охваченная любопытством девушка перегнулась через перила и едва не задохнулась от изумления.

Увиденное было куда лучше падающей звезды. Через пару секунд сверкающее пятно обрело форму и превратилось в гигантского ящера с золотыми крыльями, гребнем и изящным хвостом. Дракон летел прямо к ней.

Ламия прижала руки к сердцу, да так и осталась стоять, забыв закрыть рот. Между тем, огненно-золотая рептилия расправила огромные крылья и начала набирать высоту, обдавая ее воздушными потоками, от которых волосы девушки заструились и поднялись над головой, словно в воде. Шпиль хозяйственной башни загораживал часть крыши донжона, куда приземлился дракон, поэтому, чтобы не упустить чудо, ей пришлось перелезть за ограду и, ухватившись руками за парапет, слегка свеситься над пропастью. Вниз Ламия не смотрела — знала, что испугается поднимающегося из бездны тумана и бескрайних скал, уходящих в никуда. Но вверх глядеть стоило, потому что дракон изящно приземлился на край главной башни, и едва лапы коснулись крыши, как его могучее тело превратилось... в человека.

У Ламии едва сердце из груди не выпрыгнуло. Сомневаться не приходилось — перед ней стоял настоящий маг. В деревне часто болтали о драконах и волшебных птицах размером с церковь, но видели их редко, и свидетели, как правило, оказывались либо пьяными, либо с репутацией сказочника. Крыша донжона находилась далеко, но вечерние сумерки еще только зарождались, и Ламия разглядела золотой плащ незнакомца, его длинные темные волосы, статную фигуру и белый амулет на груди, который она сначала приняла за первую звезду. Маг был хорош всем от гордой осанки до гигантской тени дракона, которая еще несколько секунд маячила у него за спиной. Подойдя к краю башни, мужчина заложил руки за спину и принялся задумчиво разглядывать утопающий в темноте хребет восточных гор, Маро Озеро и Ламию, все еще стоявшую за перилами.

От мысли, что на нее смотрит настоящий маг, девушка заволновалась и ухватилась крепче, чтобы не упасть. Голос разума настойчиво советовал вернуться обратно, потому что, во-первых, стоять за оградой было небезопасно, а во-вторых, глядеть на человека-дракона было попросту невежливо, но Ламия ничего не могла с собой поделать. Момент был волшебный, редкий, незабываемый. Где-то глубоко внутри она понимала, что, скорее всего, завидует человеку в золотом плаще, но с другой стороны, радовалась, что оказалась хоть как-то причастна к его полету в тот вечер — ведь она была свидетелем, а значит с полным правом могла рассказывать о драконе подружкам, родным и даже когда-нибудь своим детям. Ради такой истории стоило простоять за оградой хотя бы еще пару секунд.

Ее терпение было вознаграждено. Побродив какое-то время по крыше, мужчина подошел к краю и спрыгнул вниз. Ламия смотрела во все глаза, но так и не смогла уловить момент превращения. Только что незнакомец был человеком, падающим в бездну, а в следующий миг

от донжона крепости взмыл вверх золотистый ящер. Ламии захотелось помахать ему рукой, но потоки воздуха едва не сбросили ее с крыши, и девушке пришлось вцепиться в ограждение обеими руками. Как бы ни хотелось еще понаблюдать за волшебством, пора было возвращаться.

Она осторожно перенесла одну ногу за перила и придержала юбку, чтобы ветер не задрал ее над головой. Ткань все равно вздулась, и Ламия недовольно прихлопнула ее свободной рукой. В следующий миг не только платье, но и волосы взбунтовались от сильного порыва ветра, который сдернул чепец с головы и унес его в сгущающуюся темноту.

Проследив за чепчиком, она встретила взглядом с узкими зрачками ящера, которые вдруг загородили все небо. Глаза дракона были злыми и неслись прямо на нее. Мир взревел, ликуя и кружась вместе с огромными крыльями, которые вдруг хлопнули над головой Ламии, ветер заметался и толкнул ее в грудь, легко оторвав от перил. Они казались такими смешными и маленькими под белым чешуйчатым брюхом уплывающего ввысь дракона.

«Я падаю!» — промелькнуло в голове Ламии, но тут перед глазами вырос замшелый камень крепостной стены, и она поняла, что висит на краю башни, уцепившись за выступ. Ноги безнадежно искали опоры, но мешал длинный подол, который путался в коленях. Да и стена у замка была построена на совесть — без щелей и трещин. Вспомнив, что забыла дышать, Ламия принялась хватать воздух ртом и едва не сорвалась. Пальцы болели, а в запястьях ломало так, словно их придавили бревном. «Дура, сама виновата», — обозвала она себя, но от осознания собственной глупости легче не стало.

Новый порыв ветра заставил ее сползти немного вниз, зато напомнил о драконе. Дракон! Ведь он парил в небе, и, наверняка, ее видел! На Ламии было белое платье служанки, и к тому же ей не повезло родиться блондинкой. В Альцироне людей со светлыми волосами не любили, а настоящая красавица обязательно должна была обладать роскошной темной шевелюрой. Ветер растрепал длинные волосы Ламии, и теперь молочные пряди развивались в воздухе, словно живые змеи. Вся она выделялась на темной стене большим светлым пятном, которое нельзя было не заметить.

Дракон и, правда, ее увидел. Снизил высоту, обдав девушку волнами холодного воздуха, и сделал пару плавных кругов над ее головой. На этом все закончилось. Взмах крыльев, и дракона поглотила ночь, а Ламия осталась висеть с онемевшими пальцами и тяжелыми мыслями, которые задевали большее, чем грубая поверхность стены. Страх не было, его место пока занимали вопросы. Маг-Дракон ее не увидел? Это было такой же ложью, как и то, что она продержится еще хотя бы минуту. Почему улетел? Или маги не спасают таких дур, как она, из принципа?

Не раскисай, велела себе Ламия и попыталась подтянуться. Она была сильной девушкой и в детстве часто играла с мальчишками, ловко карабкаясь по деревьям и развалинам старой церкви. За такие игры матушка наказывала ремнем, но, видимо, плохо била, раз у Ламии не отложилось в голове, что с высотой шутить не стоит.

Еще не веря, что ей суждено рухнуть в пропасть и закончить жизнь так глупо, Ламия решила закричать. Она сомневалась, что кто-то услышит ее сквозь рев ветра, но попробовать стоило. Крикнуть девушка не успела. Когда ее рук коснулось что-то холодное, от неожиданности Ламия разжала пальцы, но вместо того чтобы полететь вниз, устремилась вверх. Ее вытаскивали — тянули, как мокрую простыню, сорвавшуюся с бельевой веревки. И только когда под спиной оказалась твердая поверхность, а перед глазами возникло взволнованное молодое лицо, Ламия поверила, что осталась жива. Но отчего-то радости не

было — лишь горькая досада на человека-дракона, который пролетел мимо.

— Спасибо, — пролепетала она, принимая руку незнакомца, чтобы подняться.

— Как же вы так неосторожно? — заботливо спросил парень, отряхивая ее юбку, словно вековую грязь башенной стены, оставшуюся на одежде Ламии, можно было отряхнуть. — Или специально? Вас обидели?

Поняв, что он подумал о самоубийстве, Ламия отчаянно затрясла головой. Самоубийц в замке точно бы не потерпели, даже неудавшихся.

— Что вы! — девушка зарделась. — На звезды засмотрелась, и голова закружилась. Я такая растяпа. Как мне вас благодарить? Вы мне жизнь спасли.

Правдой было все кроме звезд. Неожиданная злость на человека-дракона отвлекла, и Ламия не сразу услышала, что говорит спаситель.

— У вас шок, да? Подождите, я достану воды. Нет, лучше давайте я вас куда-нибудь отнесу, Вы, наверное, новенькая, на кухне работаете? Я вас раньше не видел. Где ваша комната?

— Там, — неопределенно кивнула она, стараясь не сильно трястись. Страх, который заблудился, когда она висела над пропастью, вдруг нашел ее и радостно завладел всеми чувствами. Но тут Ламия разглядела камзол незнакомца с нашитыми на грудь звездами и солнцем и поняла, что вообще-то разговаривает не с ровней. Солярные и небесные символы были родовыми знаками многих магов — об этом ей успели разболтать на кухне.

Силы сразу вернулись, страх съезжился, а румянец залил не только щеки, но и шею. Хоть бы ты оказался не из тех колдунов-начальников, которые занимаются хозяйством и ведают прислугой, подумала Ламия и, отстранившись, присела в глубоком реверансе. Дыхание восстановилось, ясность ума тоже возвращалась. Только вот непонятная злость на человека-дракона не хотела исчезать.

— Я Ламия, ваше сиятельство, на кухне работаю, — представилась она по всем правилам. — Простите, что помешала вашим полетам, вы, наверное, собирались летать драконом, а тут я. Клянусь, не хотела, нечаянно вышло.

Еще недавно ясные мысли сбились в кучу и теперь толпились, тщетно пытаясь вернуть прежний строй. Она подняла голову и робко поглядела на незнакомца, надеясь, что затянувшаяся пауза — не признак яростного гнева. Но нет, парень даже улыбался. Он был одного с ней роста, поджар и мускулист, словно мустанг, с шевелюрой цвета диких каштанов и темно-кариими глазами, в которых плескались веселые озорные искры. В общем, незнакомец был хорош во всех отношениях, в чем Ламия и не сомневалась — все колдуны и маги, наверное, были такими. Все кроме человека в золотом плаще дракона.

— Вот это ты брось, — парень решительно пресек ее попытку повторить реверанс. — Во-первых, никакое я не сиятельство, потому что только маги любят так себя величать, а я ведьмак и к ним, к счастью, не отношусь. Во-вторых, зови меня Крист и давай «на ты». А в-третьих, с чего ты решила, что я собирался «летать драконом»? Я с воробьем договориться не могу, какой уж тут дракон. Хотя постой. Готов поспорить, ты сейчас видела золотого ящера. Большого такого, с белым брюхом и злобными глазами?

Ламия растерянно кивнула, не понимая, куда клонит юноша.

— Счастливая, редко, кто его видит, — хмыкнул Крист. — Это сам Крон прилетел. Из магов только он с драконами сумел договориться, чтобы они разрешили ему свой образ использовать. Надеюсь, он тебя не видел? Крон сильно не любит, когда подсматривают за его превращениями. В следующий раз, как увидишь дракона, лучше уходи. Был случай, как он

одного любопытного привратника слегка огнем поджарил. Скверный у Крона характер. Спалил человеку волосы на голове просто так. Между нами только — с ним вообще дел лучше не иметь. Впрочем, тебе это не грозит, — парень окинул взглядом ее одежду служанки, — главный и с нами-то, младшими колдунами, редко общается, а прислугу так вообще не замечает.

Вот тебе и ответ, грустно подумала Ламия. Да и действительно, где главный маг Альцирона, сидящий по правую руку Королевы, и где она — Ламия, дочь фермера из Яникова Светоча, а ныне посудомойка?

Крист оказался ужасно болтливым парнем и все дорогу до ее комнаты сыпал местными легендами, слухами и рассказами. На башню он забрел освежить голову, так как выпил много пива за ужином, в замок Крона приехал подтянуть теоретическую магию, сам родом из Хартума, в детстве спас от мантикоры дочь мэра города, в будущем собирается досконально изучить звериную имитацию, а в прошлом году участвовал в облаве на преступный клан вампиров и лично заколол самку вождя. И еще много других подробностей из жизни молодого колдуна, которые Ламия не запомнила.

Ей выделили место в общей комнате, где жили еще десять девушек, выполняющих разные работы по замку. Помещение находилось на верхнем этаже Северной Башни, поэтому идти было недалеко. У порога Крист пожелал новой знакомой сладких снов, горячо чмокнул в щеку и велел, непременно, звать его всякий раз, когда ей понадобится помощь или станет одиноко. Однако, когда голова Ламии коснулась подушки, приснился ей не благородный Крист, чьи поступки были достойны героя, но маг Крон, который под золотой шкурой дракона оказался настоящей скотиной.

ГЛАВА 2. Кухня

Время в замке Крона текло быстро. Пролетела неделя, вторая, минули первые выходные, и в саду расцвели розы — а ведь казалось, что совсем недавно на деревьях только набухали тяжелые почки. Вечера иногда стояли холодными, но природа всю радовалась короткой жизни — лету.

Цветы расцветали и в душе Ламии. И хотя работа теперь не казалось такой легкой, как в первый день, девушка не могла поверить своему везению. На третью неделю ее повысили до помощницы повара-зеленщика, ответственного за зеленые супы и салаты. Обязанностей прибавилось, так как Хозяйка попросила ее поработать за двойную зарплату еще и на прежней должности судомойки, пока они не найдут нового человека. Отец собирался покупать корову, и Ламия не могла отказаться от денег. А то, что работать приходилось до позднего вечера — так это ничего, месяц можно и потерпеть.

Окунуться в бурлящий котел кухонной жизни пришлось едва ли не с первых дней. Летом в замок главного мага обычно приезжал гостить королевский двор, отчего весь персонал кухни работал на износ, пытаясь угодить запросам высоких гостей. И хотя сама королева Селена должна была приехать только через пару недель, многие придворные считали необходимым прибыть до первого лица, чтобы организовать надлежащую встречу. К кухонной армии мага Крона присоединилась часть кухонной армии королевы, которую расселили в комнатах замковой прислуги. В результате Ламии пришлось делить кровать с еще одной девушкой, но обе не жаловались — в мужских комнатах люди спали на кроватях по трое или четверо. Северная Башня наводнилась дворецкими, поварами, пекарями, дегустаторами, горничными, буфетчиками, виночерпиями, ответственными за омовение рук и скатерти, резчиками мяса, старшими слугами, многочисленными помощниками, став похожей на разбуженный посреди зимы муравейник.

Ламия чистила овощи, нарезала салаты, бегала в теплицы за свежей зеленью, мыла груды посуды и выполняла сотни разных поручений. А помимо прочего старалась не утонуть в океане новостей и слухов, которые попадали на кухню со всех концов света, обрастали новыми подробностями и, обновленные, в тот же день разлетались по замку и за его пределами.

— Вот увидишь, королева с новым любовником будет, — болтала Рина, ловко орудуя мочалкой из крапивы, которой пыталась отдраить котел из-под тушеного мяса. Ламия использовала бы не траву, а горчицу, но советовать старшей помощнице не смела.

— Как брату голову отрубила, так утробу свою все насытить не может, — бурчала женщина. — Замуж ей надо, да только Совет Сияющих ни одного жениха к ней близко не пустит. Зачем нам нечистокровный король? Чистокровных же всех перебили. Говорят, даже Крон признался, что с королевскими предками ничего общего не имеет. Хитрый у нас хозяин, не хочет с Советом в соре быть.

— А Крон у королевы тоже в любовниках ходил? — спросила Ламия и едва не выронила из рук натертый горчицей кувшин, так как напарница хлопнула ее по спине мокрым полотенцем.

— Дура молодая! Как можно про Хозяина такое болтать? За языком следи. Крон у нас, как ангел, чист и непорочен.

Пару дней назад кроша лук и свекольную ботву в другой части кухни, Ламия слышала

иное. Повар с дегустатором оживленно обсуждали, какая фрейлина на этот раз будет греть постель Хозяина. Оба сошлись во мнении, что больше шансов у новой фаворитки королевы — леди Ралинес, однако у дочери генерала Меридо тоже была возможность завладеть вниманием мага. Впрочем, про Крона говорили осторожно и с уважением — не только местные, но и приезжие, из чего Ламия сделала вывод: над королевой смеяться можно, над Кроном — нет.

— А я слышала, повар хотел фигуру дракона из сахара на главный стол резать, а Хозяин запретил, — воспользовавшись молчанием напарниц, подхватила разговор Мирра, полоскавшая посуду в чистой воде. — Правильно, что запретил, нечего публику такими вещами потешать. Пусть павлина режет, как в прошлый раз. Мне тогда крылышко из хвоста чудом перепало, я его полгода грызла. Благодарить!

— Не будет никаких сахарный фигур, — вмешался Ирман, только что притащивший дров для очага. — Если болтаете, так не придумывайте больше, чем надо. Олень будет, изрыгающий пламя. Дворецкий Свон сказал.

— Врешь! — не согласилась Мирра, которая не любила, когда ее перебивали.

— Палец даю! Говорят, в этом олене будет целиком запеченная лань, внутри лани — кабанчик, внутри него — петух, а в нем — жаворонок. Так-то. И огонь из пасти всей туши.

Рина, пользуясь почтенным возрастом и тем, что сдачи ей никто обычно не давал, отвесила парню затрещину.

— Мы на кухне, балбес! Знали бы все про того оленя. Такие чудеса за неделю начинают готовить. И не путай сахарные фигуры с главным мясным блюдом. Фигуры всегда резали и будут резать. А на мясное подадут тушеных лебедей в перьях, я сама слышала. А еще будет птица разная, фаршированная виноградом и специями, жареные лапы медведя, яйца из икры и миндального молока, ежи и белки, запеченные на углях, медовые коврижки с орехами, финики с пряным вином и... — женщина сделала торжественную паузу, — нити из теста! Говорят, новинка из Цертуссы.

Мальчишка не захотел уступать первенство по знанию пиршественного меню и принялся перечислять свои варианты блюд. Ламии куда интереснее было слушать про Крона, чем про разные диковинные кушанья, поэтому она погрузилась в себя, размышляя о том, что рассказал ей Крист во время их последней встречи.

Молодой ведьмак появился в ее жизни с того памятного вечера на башне и как-то незаметно стал ее частью. Они встречались ранним утром, когда Ламия бежала на кухню работать, а Крист в обеденную залу завтракать, потом днем возле теплиц у Маро Озера, где Ламия собирала созревшую зелень на салаты, а Крист бегал вдоль берега, тренируясь, затем поздно вечером, когда ведьмак приходил к ней в комнату и, несмотря на робкие протесты Ламии о том, что она устала и хочет спать, тащил ее на прогулки по саду. Впрочем, о таких прогулках Ламия никогда не жалела. Ведьмак открывал ей дверь в мир магии и волшебства, и, хотя девушка могла лишь издали любоваться блеском чудес и тайнств, не понимала и половины, из того что говорил Крист, и путалась в мудреных названиях, ей этого хватало. Интуитивно она понимала, что нравилась юноше, однако в собственных чувствах девушка не разобралась. В сердце Ламии еще жили воспоминания о симпатичном башмачнике, который ушел в соседнюю деревню на заработки, обещал вернуться к следующему лету, но встретил дочь молочника, тайно женился на ней и увез в Хартум, о чем Ламия потом узнала через отца, который, не подозревая, какие чувства бушуют в груди девушки, с гневом рассказывал о молодых негодях, растлевающих девиц и ворующих их из семейного гнезда. Пока Крист не

торопил события, и Ламию это устраивало. Ей нравился этот бойкий парнишка с кудрявыми волосами и жарким взглядом, но чем дольше она думала о нем, тем яснее осознавала, что относится к нему как к брату или другу, хотя опытная Рина и утверждала, что дружбы между мужчиной и женщиной не бывает.

Слушая невинную кухонную болтовню одним ухом, Ламия вспоминала слова Криста о том, что Крон собирается формировать армию боевых магов, о чем заявил на последнем собрании Сияющих, поставив всех в недоумение. Ведь на протяжении десяти лет Башни Силы успешно справлялись с охраной границ Королевства от набегов угеритов, а в самом Угеритском Царстве уже третий год наблюдались крупные междоусобицы, которые означали, что угеритам сейчас не до внешней политики: между собой дрались шесть наследных царевичей. На Севере тоже все было спокойно. Шаманские племена Цертуссы военного вождя не выбирали, а значит, угрозы с их стороны ожидать не стоило. К тому же у Альцирона с Цертуссой было подписано столетнее мирное соглашение. В море так вообще штиль да тишина — даже пираты хлопот не доставляли.

Однако Крон считал, что затишье на мировой арене являлось как раз поводом для беспокойства и лучшим временем для переосмысления военной стратегии. По словам Криста, в последние месяцы Крон вел себя очень нервно, заставлял магов и колдунов приезжать к нему в замок, где принуждал их практиковаться в боевой магии, не делая скидки даже на возраст почтенных старцев, которые всю жизнь занимались зельеварением. Он, Крист, тоже жертва паранойи Крона, так как должен был этой весной изучать поведение левиафанов в Нортовом Море, а вместо того чтобы плавать с чудовищами, теперь целыми днями размахивает мечом на плацу и пропадает в библиотеке. Раньше Крист боевой магией не занимался, поэтому ему пришлось начинать с детских вещей — с фехтования. И так — еще полгода.

— Мной папаша откупился, — разоткровенничался как-то Крист. — Указ о явке на его имя пришел, но отец схитрил — меня отправил. Мол, вот тебе, Крон, сынок, сделай из него настоящего боевого мага, а я, как с делами закончу, сразу буду. Нашел кому сказки рассказывать. Крон, разумеется, все понял и заявил, что я останусь в крепости до тех пор, пока мой папаша не явится. А он не явится, так как время ценит больше, чем родного сына. Потому суждено мне в этом замке сгнить.

— И кто твой отец? — поинтересовалась Ламия, увлеченная жизнью собеседника.

— Маг Каэл Великолепный, — гордо произнес Крист, но увидев, что слова не произвели на девушку впечатления, переспросил:

— Разве не слышала?

Ламия, как и другие жители деревни, знала по имени только одного мага — Крона, поэтому осторожно покачала головой.

— Он первый маг Хартума, — надувшись от важности сказал Крист. — Боевой маг, между прочим. Поэтому и не желает тратить время на паранойю Крона. Ему есть чем заняться.

Несмотря на то, что Ламия периодически не досыпала, болтать с Кристом было куда интереснее, чем с подружками по комнате. Тем более, что не все из них были такими же душками, как ее напарницы по мытью посуды. Сложнее всех приходилось с Евой, еще одной помощницей зеленщика, которая, однажды увидев Ламию в компании Криста, невзлюбила ее до такой степени, что не упускала случая оскорбить соседку словом или делом. Ламия, выросшая с драчливыми братьями, умела постоять за себя, но опасалась потерять работу,

поэтому открытых конфликтов старалась избегать. Удавалось не всегда.

Вот и сейчас, завидев приближающуюся Еву, Ламия напряглась, так как видела, что та уверенно идет прямо к ней. Интуитивно она понимала, что причина ссоры — Крист, по которому вздыхала половина прислуги женского пола. В замке Крона хватало молодых парней с кудрявыми волосами, но Крист был единственный, который появлялся в Северной Башне каждый день. Обычно колдуны прислугу и вовсе не замечали, Крист же был знаком со всеми девушками, работающими по контракту. Поговаривали также, что едва ли не каждая вторая девица из прислуги побывала в его постели, но Ламия слухам не верила. Наедине с ней молодой ведьмак был образцом обходительности и ни разу не допускал вольностей. А то, что он выбрал в подруги ее, а не долговязую красавицу Еву с длинными черными волосами, то это боги так распорядились, и вины Ламии в этом не было.

— Эй, селянка, — бросила Ева, вырастая напротив ее чана. — Тебя Тотус вместе с нами в теплицы отправляет. Надо десять корзин моркови с петрушкой собрать. Кончай полоскаться и топай за мной.

Еву никто главной не назначал, но другие девчонки из команды зеленщика Тотуса с ней не спорили, предпочитая подчиниться, чем портить себе настроение. Сейчас из-за спины Евы выглядывали две тощих рыжих девушки, каждая из которых держала по пять корзин, вложенных одна в другую. Ламия не помнила их имен, но знала, что это сестры-близнецы из соседней деревни. Прозвище «селянка» считалось чуть менее оскорбительным, чем «деревенщина» и могло быть применимо к большей части кухонных работников, однако Ева называла так исключительно Ламию, ведь сама брюнетка выросла в Хартуме и даже получила образование швеи. Ламию так и подмывало спросить, зачем квалифицированная швея рубит лук и петрушку с утра до вечера, но изо всех сил сдерживалась. Ламия умела делать выводы. Она проработала на кухне всего пару-тройку недель, а Ева трудилась зеленщицей в замке Крона второй год, и даже сам Тотус предпочитал с ней не связываться.

Вспомнив о поваре, Ламия поискала взглядом заваленные зеленью, соусницами, мисками и ножами столы, где хозяйничал ответственный за салаты. Увидев, что она на него смотрит, Тотус уверенно кивнул на дверь и показал десять пальцев. И хотя Ева не солгала, как втайне надеялась Ламия, отправляться к дальним теплицам в ее компании не хотелось. Рыжие сестры в счет не шли. Они работали всего неделю, но с первых дней выбрали Еву в покровительницы.

Извинившись перед Риной и Миррой и пообещав вернуться через час, Ламия сняла непромокаемый фартук судомойки и набросила на плечи накидку. На улице вечерело, а первый месяц лета в горах обычно был холодным. К тому же под накидкой можно было незаметно спрятать кое-какое оружие самообороны, например, пучок крапивы и увесистый мешочек с песком. Так, на всякий случай. Вдруг Еве захочется перейти от словесных оскорблений к драке? В драках Ламия новичком не была, умела и за косы отодрать и физиономию расцарапать, но как же легко было это делать, когда тебе грозила лишь матушкина брань за испачканное платье, и совсем иное — когда на другой чаше весов находилась работа, за которую платили золотом. Однако оставаться наедине с Евой безоружной было еще глупее, поэтому Ламия решила, что крапива лишней не будет.

Дальние теплицы замка не зря назывались дальними. Изломанные ряды утепленных сараев тянулись по холмистым берегам Маро Озера, порой спускаясь до самой кромки воды. Отдельные здания громоздились на возвышенностях, которые отделялись друг от друга глубокими трещинами, заполненными водой. И хотя все гроты соединялись прочными

мостоами, место было неприятным. Из подземных трещин тянулись влажные туманы, поднимаясь клубами, будто пар из преисподней. Оттуда раздавались непонятные звуки и голоса, и, хотя Ламия понимала, что их рисует в ее голове воображение, а на самом деле слышен лишь шум воды да свист ветра, она предпочла бы перемыть гору жирных котлов, чем собирать зелень в теплицах.

Здесь, у подножья горы, замок казался совсем крошечным. Его вершину съедало небо, и даже в хорошую погоду казалось, что над шпилями клубятся тучи. От Северной Башни к колдовским грядкам вела винтовая лестница, вырубленная внутри скалы, но, несмотря на то что спускаться пришлось по гладким ступеням, а не по неровным камням, все девушки запыхались, и словесная перепалка между Ламией и Евой, возникшая в начале спуска из-за того, кому нести корзины, утихла сама по себе.

Ламии уже приходилось бывать в теплицах, но каждый раз ей с трудом верилось в увиденное. Здесь она впервые узнала, что маги использовали колдовство не только для превращения в драконов, но и для весьма практичных целей — например, для выращивания петрушки. Глядя на ровные ряды световых шаров под потолком, греющих теплом зеленые ростки днем и ночью, а также на подогретую магией озерную воду, пущенную по каналам вдоль грядок, Ламия отчаянно завидовала. В ее родной деревне урожай зависел от капризов природы и совсем немного — от человека. У магов все было наоборот. Ламия не удивилась, если бы узнала, что та же магия помогала бороться с вредителями и болезнями растений. В теплицах замка росли исключительно здоровые, крупные овощи и такая нежная и ароматная зелень, что ее хотелось есть прямо с грядок.

Теплица с морковью и петрушкой возвышалась на утесе недалеко от грота с водопадом, отчего внутри помещения всегда стоял такой шум, что приходилось кричать. Вооружившись корзинами и натянув калоши, всегда ожидавшие посетителей у входа, девушки разбрелись по зеленым рядам, наполненным дурманящими ароматами трав. Работа предстояла нелегкая. Сразу можно было унести только одну большую корзину с зеленью, а значит, подниматься и спускаться к озеру предстояло не раз. Воздух в помещении был влажным и почти горячим, и Ламия быстро вспотела. Если бы она знала, что сегодня придется работать в теплицах, то оделась бы послойно, как Ева, которая сняла несколько теплых кофт и чувствовала себя прекрасно в тонком льняном платье. Ламия же парилась в теплой шерстяной одежде, так как на кухне, несмотря на близость очага, витали пронзительные сквозняки, которые не позволяли одеваться по-летнему.

Так получилось, что Ламия наполнила корзину первой. Увидев, что остальные девушки еще ползают по грядкам, она решила не ждать напарниц, и, крикнув, что идет наверх, водрузила корзину на голову. В ее деревне все женщины, работающие на фермах, носили груз подобным образом, и теперь Ламия оценила способ по достоинству. Тяжесть равномерно распределялась по телу, и никакая корзина в руках не загоразживала ступени.

На кухне царил необычный покой. Поставив ношу на стол рядом с Тотусом, Ламия принялась неторопливо выгружать содержимое, одним ухом прислушиваясь к оживленной беседе зеленщика с двумя пекарями, но начальник заметил ее и, забрав корзину, отправил обратно в теплицу. Ламия лентяйкой не была, однако надеялась, что пока она будет выгружать зелень, то разминется с Евой по дороге.

Когда девушка снова очутилась в теплице, то не обнаружила ни напарниц, ни собранного урожая. Если бы отсюда в Северную Башню не вела единственная лестница, она бы решила, что Ева с сестрами поднялись на кухню другой дорогой. Зелень на грядках была

невысокой и не могла скрыть человека. Даже корзины исчезли. Озадаченная, Ламия прошла вдоль помещения, заглянула по углам и остановилась в растерянности в центре. Пожалуй, если бы корзины были на месте, она продолжила бы собирать морковь, проигнорировав исчезновение напарниц и лишь доложив об этом Тотусу, но при мысли о том, что за новой корзиной придется снова подниматься по винтовой лестнице, а потом еще и объяснять исчезновение других тар, Ламия решила поискать еще раз. Может, девчонки отправились посмотреть подземный грот с водопадом, который находился рядом с теплицей? Но зачем корзины было с собой тащить?

Догадка оказалась верной. Подойдя к выходу, который вел к мосту и другим теплицам, Ламия заметила, что дверь прикрыта неплотно. Закутавшись плотнее в накидку, она выглянула на улицу. Здесь, у верховья грота, нельзя было понять, ни какое сейчас время дня, ни даже определить время года. Рина как-то рассказывала, что из горы в Маро Озеро впадает полсотни горячих источников, отчего вода у берегов теплая даже зимой. Оттого и гроты так клубятся парами, будто их со дна черти подогревают. Однако, когда Ламия спросила можно ли в тех гротах купаться, женщина осенила ее святым знаком и запричитала, что такое могло прийти в голову только новенькой. Как выяснилось, вода в гротах, водопадах и ручьях считалась ядовитой для обычного человека из-за большого количества волшебных веществ, которые сливали маги из лабораторий в канализацию. По слухам, трубы с нечистотами из замка выливались в одну из подземных рек, которая потом впадала в Маро Озеро. Как бы там ни было, но Ламия женщине не поверила. От озерной воды всегда пахло студено, иной раз травой или тиной, но никогда — неприятно.

В тумане, зависшем над гротом, едва виднелся край массивного моста, тянувшегося к другой теплице, о которой при такой видимости можно было только догадываться. Ни корзин, ни девушек видно не было. Может, они решили, что в следующей теплице урожай лучше и, не предупредив ее, отправились туда? Объяснение было разумным, но прежде чем ступить на мост, Ламия подошла к краю выступа и заглянула в грот, надеясь, что внизу клубы пара будут не такими плотными, и она сможет разглядеть водопад, шум которого почему-то раздавался здесь не так сильно, как внутри помещения.

В следующую секунду она пожалела о любопытстве, так как ей в спину грубо ткнули палкой.

— Стой, где стоишь, иначе я сброшу тебя в ядовитую воду, — сказала Ева. — Только шевельнись и полетишь вниз.

Ламия замерла, пытаясь унять бешено бьющееся сердце, а потом сделала единственное, до чего додумалась — медленно подняла вверх руки. В детстве во время игр так поступал проигравший. Только сейчас была отнюдь не игра.

Спокойно, велела она себе. Если бы эта ревнивица хотела тебя сбросить, давно бы так сделала. Значит, ей что-то нужно.

— Хочешь поговорить о Кристе? — осторожно спросила Ламия и попыталась повернуть голову, чтобы посмотреть, была ли ее соперница одна или с сестрами. Но получила увесистый тычок в спину, от которого едва не полетела в пропасть, и снова замерла.

— А нечего тут разговаривать! — рявкнула Ева. — Ты мне сейчас пообещаешь, что близко к нему не подойдешь. Иначе искупаю тебя в ядовитой реке, покроешься прыщами, и тогда на тебя точно никто не посмотрит.

— Не надо меня в воду толкать, я все поняла, — как можно спокойнее произнесла Ламия. Она отчаянно злилась на себя, что так глупо попала в ловушку, но сейчас злость и

страх были плохими помощниками.

— Я не могу ему нравиться так, как ты, я ведь блондинка, а ты настоящая красавица, — попыталась она подкупить соперницу лестью. — Просто я новое лицо в замке, а новички всегда привлекают внимание. У нас нет ничего серьезного. Да и я другого люблю.

«Любила», — поправила себя Ламия, вспомнив о предательстве башмачника.

— Он всегда бабником был, — вдруг громко всхлипнула Ева, и в ее голосе прозвучало плохо скрытое отчаяние. — К каждой новой юбке цепляется, и плевать ему, какой там цвет волос. За день до того, как ты появилась, он сделал мне предложение! — Ева перешла на крик, уже не сдерживаясь. — А потом сказал, что поторопился, и ему надо подумать. При этом сам за тобой все время волочится. Когда в комнату нашу по вечерам приходит, на меня даже не смотрит, будто нет меня вовсе. Но я не хочу, как Соня, с которой он два месяца гулял, а потом, когда я появилась, добился, чтобы ее в другой замок перевели. Я за свое счастье бороться буду!

— Тише, тише! — попыталась успокоить ее Ламия, проклиная тот день, когда она решила полюбоваться закатом на Маро Озере. А может, стоило проклинать дракона? Если бы не его полет, она бы не свалилась с башни, Крист бы ее не спас, повода для знакомства бы не было.

Но Ева уже рыдала взахлеб, а Ламия с тревогой ощущала, как кончик палки, упирающийся в ее спину, дрожал все сильнее.

— Разлучница! Негодяйка! — не унималась молодая женщина. — Думаешь, тебя из посудомоек в зеленщицы за красивые глаза перевели? Дудки! Это Крист Хозяйку подговорил. Я слышала, как он ее вчера просил, чтобы тебя горничной сделали. А знаешь, горничные в нашем замке не только постели убирают.

— Это правда? — изумленно переспросила Ламия.

Что ответила Ева, она не расслышала. Внезапный треск под ногами мог быть чем угодно, но, когда Ламия стремительно полетела вниз, внезапно проснувшийся глас разума спокойно объяснил, что не стоило стоять на краю так долго, потому что там была трещина, которую она заметила, но не придала ей значения. Кусок выступа не выдержал ее веса и отломился, увлекая ее за собой.

— Ламия! — послышался наверху крик зеленщицы, и Ламия поняла, что та ни за что не столкнула бы ее вниз, а собиралась только поугатать. Но от осознания этого легче не стало. Несколько бесконечно долгих секунд девушка летела среди клубов теплого пара, а потом над ее головой сомкнулась вода — горячая и ядовитая.

Впрочем, вынырнув на поверхность, Ламия уже ни в чем не была уверена. Возможно, ядовитое действие воды скажется потом — если она выживет, — но прямо сейчас неприятных ощущений не возникло. Вода была просто водой: умеренно горячей и где-то даже приятной. А вот сюрпризом стало необычно сильное течение, которое не дало ей разглядеть грот или крикнуть о помощи. Река подхватила ее и уверенно поволокла в глубину пещеры, и, хотя Ламии удавалось держать голову на поверхности, повернуть против течения не получалось.

Меня спасут, убеждала себя девушка. Возможно, не сразу, но Ева не трусиха, она расскажет, что я упала. С другой стороны, зачем ей спасать соперницу? Убивать ее она не собиралась, но раз обстоятельства сложились таким образом, их можно расценить, как везение для одной, и трагический случай для другой. Еву в замке знают, ей поверят.

Но по мере того как течение успокаивалось, а вместо ожидаемой темноты над головой

забрести на пятна света, настроение Ламии улучшалось, и мысли о смерти отступали. Свет на потолке подземного тоннеля был странным и походил больше на солнечные зайчики, чем на сквозные дыры, ведущие на поверхность. Пятна беспорядочно мельтешили, меняя окрас, размер и интенсивность свечения. Чем дальше плыла девушка, тем ярче становилось в подземелье. Ламия закрутила головой, пытаясь найти источник света, и тут осознала, что больше не является пленницей течения. Почти одновременно она увидела небольшой грот с песчаной отмелью и покатым сводом, но когда разглядела его в подробностях, то едва не ушла под воду.

У кромки реки была установлена каменная плита, больше всего похожая на жертвенный алтарь. Человек уместился бы на ней в самый раз — и по длине, и по ширине. Сходство усиливали ножи, аккуратно разложенные рядом на тряпице вместе с пустыми чашами и сосудами. Под потолком грота висел, лениво вращаясь в воздухе, огромный разноцветный кристалл, который и порождал блики. Они отделялись от него, словно светлячки, временно присевшие на фонарь, а потом разлетающиеся по всей пещере. А еще стены речного грота были исписаны зловещими знаками и символами. Их начертали размашисто, чем-то красным и явно со знанием дела. Рядом с плитой и ножами валялась груда тряпок, похожая на одежду. Разглядев все это, Ламия поняла, что идея плыть к берегу, на какой-то момент показавшаяся спасительной, на самом деле была очень, очень плохой.

Надо вернуться обратно, к сильному течению, решила она. Возможно, ей удастся зацепиться за стену и... Додумать план действий Ламия не успела. В ее лодыжку вцепились сильные пальцы и рывком дернули вниз, утащив с головой под воду. Она дернулась и лягнула свободной ногой, но ни в кого не попала. В следующую секунду ее ступню отпустили, зато обручем сдавили горло, одновременно схватив за волосы. Решив, что настали ее последние мгновения, Ламия забилась, как рыба, попавшая в сети, но тут хватка на шее ослабла, и ей позволили глотнуть воздуха. Она и не заметила, как ее выволокли на берег — к той самой плите, предназначение которой не вызывало сомнений.

— Помогите! — хотела крикнуть она, но лишь закашлялась, выплевывая воду. Ее бесцеремонно перевернули и, запрокинув руки за голову, крепко связали. Поморгав, Ламия уставилась на высокого мужчину, который управлялся с веревкой так ловко, словно каждый день связывал девиц, выловленных из воды. А может, так оно и было, и Ева просто сговорила с подземным речным богом, принеся Ламию ему в жертву в обмен на любовь Криста.

Ламия выросла в деревне, где природные божества были такими же реальными существами, как налоговые инспекторы, приезжавшие раз в полгода из города. Ламия не знала, как должны выглядеть боги, но напавший на ее тип был, по меньшей мере, странным. И дело было даже не в том, что он был абсолютно голым. Голых мужчин Ламия видела, ведь не раз подглядывала за парнями в мужской банный день. Так делали все ее подружки, и она не сомневалась, что парни в женский банный день поступали точно так же. Станным в незнакомце было контрастное сочетание черных глаз и почти белых волос, разметавшихся по плечам, словно бесцветные водоросли. Сосредоточенный взгляд показался ей знакомым, но на воспоминания времени не было — Ламия отчаянно сопротивлялась. Она не кричала, понимая, что в подземном гроте ее вряд ли услышат.

По-настоящему Ламия запаниковала, когда мужчина, отвернувшись к тряпице, стал перебирать ножи. Все происходило так быстро, что с момента, когда ее извлекли из воды, вряд ли прошла минута. Втайне она надеялась, что сначала будет насильная любовь. О

насильной любви ей рассказывала бабуля, пережившая не один набег угеритов.

— Насильная любовь — скверная штука, но она же — твой путь к спасению, — говорила бывалая старуха. — Тут главное не растеряться, подыграть, а там глядишь, и камушек какой под руку подвернется, или нож с пояса у мужика достать получится. Ну, а если ничего не выходит, ни оружия, ни камней не видать, или, хуже того, руки связаны, то надо поговорить. Не рыдать, а спокойно пообещать райское блаженство за свободу. Мне так два раза удавалось откупиться. Правда, если уж договорились, то слово надо держать.

Сейчас из всех бабулиных советов подходил только один — договориться. Плохо только, что Ламия складно говорить не умела, поэтому и первые слова, вырвавшиеся из горла, прозвучали дико и неуместно.

— Райское блаженство, — прохрипела она, — хочешь? За свободу.

Тут ее застал приступ кашля, который пришлось подавить быстро и безжалостно, потому что над ее лицом возникли внимательные черные глаза.

— Ты не нимфа, — произнес мужчина, и в его голосе прозвучало такое разочарование, что Ламии на секунду даже стало его жаль.

— Нет, — уверенно помотала она головой, — но райское блаженство умею... И эээ... договоримся? Свобода в обмен на...

— Заткнись, — беззлобно сказал мужчина и разрезал веревки, освобождая ее.

Ламия такого поворота не ждала, но оказалось, что тело было к нему готово. Почувствовав, что ноги больше ничто не держит, она бросилась к воде с такой поспешностью, что не заметила, как перебирает ступнями в воздухе. Какая-то неведомая сила оторвала ее от песчаного берега и не совсем плавно перенесла вглубь грота, бесцеремонно бросив на землю. Вторая попытка к бегству увенчалась тем же успехом, а третью Ламия предпринимать не стала. Она все-таки считала себя умной девушкой. Забилась под самый свод, прижала ноги к груди и уставилась на пальцы мужчины, по которым еще бегали золотистые молнии.

Незнакомец, между тем, оказался вовсе не знакомцем. Той же рукой, которая сотворила магию, не дав Ламии нырнуть в реку, он провел по своим волосам, мгновенно преобразив их цвет из белого в черный, а потом, ткнув пальцем в грудь одежды на берегу, поднял ее в воздух — куда бережнее, чем Ламию до этого, — и заставил подлететь к себе. Затем мужчина принялся одеваться, а Ламия поспешно отвернулась, так как вспомнила слова Криста о том, что главный маг страны ненавидит, когда за ним подсматривают. А это был именно Крон, тот самый драконий колдун, который видел, как она висела на краю башни, и даже не подумал ей помочь. Стоило ли удивляться, что сейчас он ее едва не зарезал.

— Я тебя перепутал, — мужчина произнес слова буднично, словно разговаривал сам с собой. Извинений в них не было ни капли. Наоборот — Ламию обвиняли.

— Образно выражаясь, ты преступница, — заявил он, изящным движением застегивая манжеты на рукавах камзола. — Поймать нимфу нелегко, ее приходится долго приманивать, готовить воду, пещеру, чистить все от человеческих запахов. Ты своим купанием все испортила. Теперь это место не очистится еще месяц, а на поиски другого у меня нет времени. Я очень занят, знаешь ли. Если прибавить то, что случилось сейчас, к тому, что произошло три недели назад, то ты за короткий период времени провинилась дважды, — взглянув в ее недоумевающие глаза, Крон любезно пояснил, — ты упала с башни и распугала закатных духов, которыми питается моя вторая сущность — дракон. В результате, мне пришлось съесть отшельника в горах.

«Какой ужас», — подумала Ламия. — «Сейчас он обвинит меня в том, что из-за меня погиб человек. Хотя мог ведь сожрать овцу или корову, зачем сразу отшельника?»

Неприязнь к Крону росла прямо на глазах, и похоже, это чувство было обоюдным. Надо было придумать что-то в свое оправдание, но тут Крон неожиданно навис над ней, уперев руки в скалу над ее головой. Ламию обдало запахом озера, каким его вода всегда пахла в начале лета, а еще от мужчины исходило такое сильное тепло, что ей невольно захотелось подвинуться ближе — казалось, будто над ней вырос горячий очаг, от жара которого стали быстрее сохнуть одежда и волосы.

— Мне совершенно не интересно, как ты оказалась в этом гроте, — заявил маг, буравя черными глазами ее макушку. Ламия хотела было бросить ему в лицо презрительный взгляд, но в последний момент струсила и уткнулась в колени. Близость Крона действовала... подавляюще. Хотелось очутиться где-нибудь далеко, хоть в стране угеритов, лишь бы не видеть эти черные глаза и сверкающие в свете кристалла острые ножи рядом с алтарем.

— Я уважаю число три, поэтому в этот раз просто скажу Сандре, чтобы она тебя оштрафовала. На половину заработка. И поверь, я жалею, что мы отменили физические наказания для слуг десять лет назад. Иначе я лично бы тебя выпорол. Но в следующий, третий раз, я тебя уволю.

Помолчав, он задумчиво добавил:

— Или не ждать третьего раза? Ты представить не можешь всю глубину моей злости. Нимфы заплывают в Маро Озеро только в это время года и остаются в нем не больше недели. Я готовил ловушку пять дней и вряд ли успею повторить все за оставшиеся пару суток.

У Ламии на языке так и вертелось спросить, зачем ему понадобилось убивать бедных нимф, но она сдержалась. Крон был злым, беспощадным и самым отвратительным колдуном в мире. Она не удивилась, если бы узнала, что он крадет младенцев из деревень, вытапливает из них жир и готовит на нем снадобье для полетов. Бабуля рассказывала, что все черные колдуны так поступают, а в том, что Крон был хоть и главным, но самым черным из магов, она не сомневалась.

На голову ей опустилась горячая рука, и Ламия поняла, что не может пошевелить ни пальцем.

— О том, что видела, не расскажешь никому, — медленно произнес Крон, а перед ее глазами забегали золотые молнии. — А теперь убирайся и больше мне не показывайся. Для тебя это опасно, а мое время слишком ценно, чтобы тратить его на таких, как ты. Дверь там.

Он повернул ее мокрую голову налево, словно она была куклой, и Ламия уставилась на массивную деревянную дверь, которая возникла в скале там, где секунду назад был только камень.

Ничего не говори, ничему не удивляйся, просто уходи, велела она себе, поднимаясь на негнущихся ногах. Хорошо, что еще проклятия никакого не наложил. Можно сказать, легко отделалась.

Ламия покинула грот, не оглядываясь на Крона, но до последнего шага чувствуя, что тот смотрит ей в спину. Она не удивилась, когда обнаружила, что дверь вывела ее на привычную винтовую лестницу, поднимающуюся от теплиц к кухне. Карабкаясь по ступеням, девушка кипела от злости, потому что Крон прочно поселился в ее мыслях, не позволяя думать ни о чем другом. Вспоминалось каждое его слово, каждое движение и жест. И хотя ей хотелось стереть его образ из памяти, облик главного мага, будто нарочно, мельтешил перед глазами. Особенно много вопросов вызывала его внешность. Например, почему он красил волосы в

черный цвет? Стеснялся белого цвета, боялся быть «не модным», стремился быть первым во всем, в том числе, и первым красавцем в стране? Но для этого не только цвет волос нужно было менять, но и весь облик тоже. Особенно постараться над глазами. Они были слишком цепкими, слишком неприятными. А еще уставшими, словно видели слишком много. К тому же, тело у Крона было хоть и поджарым, но чересчур худым. В ее деревне такое телосложение у мужчины считалось признаком болезни. Если бы она не знала, что он главный маг, которому на стол должны подавать лучшие блюда, то подумала бы, что колдун периодически недоедает.

Когда Ламия, наконец, поднялась, то поняла, что отсутствовала не так уж долго. Судомойки еще возились с котлами, а все главные помещения кухни начинали готовиться к ужину. Пекари колдовали над хлебом и пирогами, привычно суетились поварята, бегая вокруг вертелов с мясом, главный повар плавно перемещался между котлов с супом, пробуя варево и раздавая тычки помощникам, виночерпий считал запыленные бутылки, принесенные служкой из кладовой, а по всей кухне ловко двигались помощники с корзинами, подносами и поручениями, умудряясь не сталкиваться друг с другом в тесных рядах между столами, буфетами и очагами. Все шло своим чередом.

Ламия тихо подошла к столу зеленщика, заваленного морковью и петрушкой, и присев рядом с Евой, принялась, как и она, сосредоточенно рубить зелень. Заметив ее, Ева удивленно подняла заплаканные глаза, которые тотчас же попыталась скрыть прядями волос. Наверняка, оплакивала утопленницу. Ламия же подумала и решила, что не станет тратить время на то, чтобы вымачивать нижнее белье Евы в соке морницы, как она задумала вначале. Однажды сестренка подшутила так над Ламией, и та два дня не могла сидеть. Да и вообще мстить хотелось не Еве, а совсем другому человеку. Ева хоть поплакала над ее воображаемым трупом, таких врагов стоило беречь. А вот Крон зарезал бы ее и даже бровью не повел, если бы ошибка выяснилась чуть позже — после вскрытия не-нимфы.

Наглядевшись на мокрую Ламию, Ева перевела взгляд обратно на доску с салатом, который резала, и подумав, отдала ей свой нож, который был острее и удобнее.

Вечером за Ламией привычно зашел Крист, чтобы пригласить на вечернюю прогулку по крепости. Девушка посмотрела в его веселые, слегка пьяные глаза, а потом, размахнувшись, залепила ему пощечину. И боясь потерять инициативу, быстро добавила, что больше они не друзья, и ходить в ее комнату нельзя. Раньше Ламия всегда осуждала девушек, которые выставляли парней за дверь таким способом — без объяснений и на эмоциях, но поступить иначе не могла. Лично ей Крист ничего плохого не сделал, более того — спас ей жизнь, но сейчас в ее глазах он был воплощением всех магов в одном лице, и прежде всего, самого отвратительного мага на свете — Крона.

Какое-то время ей казалось, что Крист ударит ее в ответ, но тут почувствовала, как подошла и встала за спину Ева, а с ней еще несколько девчонок. Молодой ведьмак, бросив на Ламию недобрый взгляд, ушел, ни сказав ни слова. А Ламия запоздало подумала, не может ли этот случай стать тем самым, третьим разом, о котором предупредил ее Крон.

ГЛАВА 3. Кормака тебе на голову

Утром Ламия чувствовала себя так, словно по ней прокатили телегу, нагруженную наковальней. Тело ломило, от озноба не спасла даже теплая шерстяная кофта, подаренная бабулей, а в голове поселились злобные черти, которые стучали изнутри молотками по вискам и глазам. Раньше у Ламии никогда не болела голова, и она с удивлением прислушивалась к новому чувству. Приложив ладонь ко лбу, девушка поморщилась — кожа была потной и горячей. Все указывало на то, что купание в подземной речке не прошло бесследно, и кажется, она подхватила ту самую страшную болезнь, о которой в деревне говорили только шепотом — простуду.

Пошло оно все к чертям, подумала Ламия, поразившись, что первой осознанной мыслью было увольнение. Жаль, конечно, терять такое место и столько денег, но интуиция подсказывала, что дальнейших встреч с магами на службе у Крона не избежать. Как при этом сохранить здоровье, честь и гордость, девушка не знала. Больше всего на свете ей хотелось вернуться в одеяло и, уткнувшись в подушку, провалиться в сон, ведь простуду лечили именно таким способом.

Кровать Ламии находилась рядом с окном, за которым уже виднелась серая полоска приближающегося рассвета. Эх, поспать бы еще часа три, но нет — надо вставать. А может, действительно, уволиться? Вернуться в деревню, попроситься к отцу на поле, по вечерам помогать по хозяйству матери. Впрочем, именно это и делали ее шесть малолетних сестер и четыре брата. Ламия была самой старшей в семье, ее догонял одиннадцатилетний Йорн, но даже если бы он устроился на работу, вряд ли сразу стал получать столько же, сколько она. Вспомнив о Йорне, Ламия вздохнула. Мать мечтала отправить его на учебу в духовную семинарию Хартума, и если бы Ламия продержалась еще полгода, то они смогли бы оплатить первый семестр.

— Ты чего сидишь в одеяле? — дверь приоткрылась, впустив в полутемную комнату полосу яркого света, а вместе с ней удивленное лицо Мирры. Ламия растерянно огляделась. Оказывается, она умудрилась не только проспять, но даже не заметить, как собрались и ушли на работу другие девушки.

— Хозяйку сейчас на куски от злости порвет, — сказала напарница. — Тебя с утра ищет. Ну, ты даешь! Давай собирайся, на полчаса я тебя прикрою, но на большее не рассчитывай.

«Спасибо, добрая женщина», — подумала Ламия вслед захлопнувшейся двери и потащила в уборную, только на пороге вспомнив, что еще куталась в одеяло. В том, что ее искала Хозяйка, ничего удивительного не было. Неужели у главного мага Альцирона с утра нет других дел и обязанностей, кроме как ябедничать на слуг и раздавать приказы об их наказании? Черт с ним, с Кроном, успокоила себя Ламия, зато ты молодец: спасла несчастную нимфу.

В кухню она зашла с видом кротким и покорным. С несправедливой потерей половины заработка Ламия, конечно, вряд ли когда-нибудь смирится, но злить Хозяйку сильнее не стоило. Да и, в конце концов, Сандра лишь выполняла приказы Крона.

Поэтому, когда Хозяйка подошла к ней, грозно нависнув сверху, девушка склонила голову и приняла самый благообразный и почтительный вид, на какой была способна. Видимо, получилось плохо, так как сверху заскрежетали зубами.

— Где тебя демоны носят? Ты с утра на работе должна быть, а не в подушку рыдать. Я не

знаю, какого дьявола ты сделала Крону, и где вы вообще могли встретиться, но это не повод, чтобы опаздывать на работу.

Это был неожиданный поворот, и Ламия почувствовала, как у нее вспыхнули щеки. Впрочем, у нее давно горело все тело, при этом одновременно было жутко холодно. В кухне жарко горели печи, но она все равно куталась в бабкину шерстяную кофту, словно та могла спасти ее от простуды.

Ламия решила, что ответа не требовалось, и снова почтительно поклонилась. А в следующую секунду Хозяйка ее удивила.

— Да не переживай ты из-за Крона, — неожиданно смягчилась она, и в ее голосе послышались искренние нотки тепла и сочувствия. — У него настроения меняются быстрее, чем вода течет. Сама должна понимать, он единственный в стране Маг Четырех Стихий, у него в голове такое творится, что не позавидуешь. Вот увидишь, в конце месяца он уже про тебя и думать забудет. Да что там месяца, я к нему на следующей неделе подойду и спрошу, нужно ли тебя штрафовать. Уверена, он поднимет на меня удивленные глаза, а я в ответ кивну и быстро скроюсь, мол, не смею, вас, милорд, беспокоить. И не будет никакого штрафа.

— Спасибо, — пролепетала Ламия, не веря ушам. Если Хозяйка искала ее для того, чтобы успокоить, то тогда она, наверное, святая.

— Рано благодарить, детка, ты мне нужна, — и взяв Ламию за руку, Сандра поволокла ее к четырем девушкам, ожидавшим у входа. Заметив среди них Еву, Ламия успокоилась. Несмотря на вчерашние события, видеть знакомое лицо было приятно.

Дело, по которому собрала их Хозяйка, оказалось непростым. Услышав, что ей придется обслуживать гостей на вечернем приеме, Ламия занервничала. В замок прибывал свадебный кортеж лучшего друга Крона — барона Муслои, который заканчивал свадебное путешествие по стране и напоследок решил навестить друга вместе с молодой женой. Крон распорядился о пире, но вся беда и головная боль Сандры была в том, что девушки-официантки, обычно прислуживающие на пирах, повально отравились, так как всей компанией отведали фруктов, привезенных в замок одним магом и случайно попавшим на стол для слуг. По этому поводу проводили разбирательство, а девушек лечили, но на ногах были способны стоять всего пара-тройка девиц, а кому-то нужно было обслуживать гостей на вечернем приеме. Поэтому Сандра решила собрать всех молодых служанок, занятых на других работах, и поручить это непростое дело им.

— Смену блюд будут носить официанты, они, к счастью, здоровы, — наставляла Хозяйка, — вам же придется угощать гостей напитками и десертом, которые мы обычно разносим, когда начинаются танцы и увеселения. Кира, Лина и Сара будут главными, вы должны смотреть на них и повторять каждое движение. Ваша задача — никого не облить, не врезаться в танцующих, ничего не разбить, всем угодить. Нужно одновременно быть заметными, чтобы людям не приходилось специально искать десерты и напитки по залу, и незаметными, чтобы не надоест. Ловите взгляд, улыбаетесь, подплываете с подносом, угощаете и исчезаете. Самим ничего не предлагать и вообще не говорить. Молчите и улыбайтесь. Вас, конечно, мало, но другого выхода нет. Если назначим старух, через неделю будет болтать весь двор, а Крону слухи ни к чему. Нам крупно повезло, что мы берем молодых на другие работы по кухне, иначе сейчас мне пришлось бы просить Крона или срочно готовить големов, или превращать старух в красавиц.

В тот день Ламия еще много чего узнала об этикете приемов и обслуживании пиров.

Так, считалось дурным тоном, если пищу предлагали даже не старые, но хотя бы зрелые слуги. Только юные девушки и юноши, сияющие красотой и здоровьем, могли прикасаться к пище Сияющих. Ее освободили от работы, чтобы она могла помыться и нарядиться должным образом. Если бы не Ева, которая уже обслуживала такие приемы и которая неожиданно взяла над ней шефство, Ламия провалялась бы большую часть времени в кровати. А так пришлось мыться, стричься, краситься и слушать девушку, которую прислали для их обучения. Официантка сидела вся зеленая и постоянно сплевывала в платочек, но мужественно объясняла тонкости дела. Глядя на нее, даже Ламия почувствовала себя лучше.

— В зал с танцами не ходите, — нудно тянула Сара, — никто не ест, когда танцует, хотя ненормальные бывают. Таких извращенцев мы ждем у двери или толчемся у входа, но дальше — ни шага. Сейчас в моде быстрые, подвижные танцы, собьют и не заметят. Те, кто будут с пирожными, кружите возле пожилых дам, но на виду молодых девиц лучше не задерживайтесь. Лину нашу как-то одна Сияющая обвинила в том, что та нарушила ей диету, так как весь пир крутилась возле нее с пирожными, дама, соответственно, не выдержала и наелась сладостей. Что бы вы думали? Линку оштрафовали. Так что помните. Те, кто будут с крепкими напитками, держитесь ближе к мужчинам, это понятно. Подходим к гостям всегда слева, руками пищу на тарелках не двигаем...

Сара монотонно перечисляла, что можно делать, а что нельзя, а Ламия старалась слушать и не заснуть. Во время быстрого завтрака она не смогла втолкнуть в себя ни кусочка, зато выпила кружку горячего молока, и ей немного полегчало. Сейчас они сидели в кладовой с кухонным текстилем, где имелся просторный стол, и где обычно Хозяйка проводила совещания. Сама Сандра присутствовала лишь в начале «урока», а после убежала по делам, и атмосфера в комнате, ярко освещенной полуденным солнцем, стала совсем сонной и расслабленной.

Ламия подшивала платье, в котором ей предстояло обслуживать гостей на пиру, и готовилась к худшему. Всем девушкам выдали красивые белые платья в пол, но Ламии наряд был слишком просторен в талии, и Сандра велела платье ушить. Другие служанки во время «урока» тоже занимались нехитрой работой — крутили бумажные салфетки, полировали столовое серебро, плели венки и букеты для украшения столов. Пахло тем особым домашним запахом, какой бывал в доме Ламии, когда мать доставала новую скатерть и покрывала ей стол. Вдоль стен кладовой тянулись ровные ряды полок, плотно забитые аккуратно сложенными, чистыми скатертями, салфетками, полотенцами и фартуками. В комнате кружил едва заметный запах лаванды, васильков и пачули, цветками которых перекладывали ткань, чтобы отпугивать насекомых. Ламия спряталась за корзиной с травами для букетов и уже почти задремала, когда Ева подергала ее за рукав:

— Говорят, ты самого Крона разозлила, — с любопытством прошептала девица. — Расскажи.

Ламия вздохнула. Надеть бы Еве корзину на голову, вот и весь рассказ. Если бы не ее ревнивая выходка, не было бы никакого Крона.

— Да что там рассказывать, — прошептала она в ответ. — Гуляла по берегу и случайно помешала ему ловить нимф. Он озлобился и лишил меня половины зарплаты.

— Везет же! — протянула Ева. — Я третий год в замке работаю и ни разу вблизи его не видела, издалека только. Ну, и какой он?

«Страшный, жестокий и отвратительный», — хотела сказать Ламия, но вовремя прикусила язык.

— Да не разобрала я. Вроде не дурен, но и красавцем нельзя назвать. К тому же, он ведь ругался, поэтому не очень-то мне понравился. А если по-честному, то сущим демоном оказался. Если бы в Альцироне были белые и черные маги, о которых в сказках пишут, то Крон наверняка назывался бы самым черным колдуном в мире. А может быть, повелителем черных магов, ну или точно самым главным у них — у него все данные для этого имеются.

На удивление Ева тему поддержала.

— Верно говоришь, — серьезно кивнула она. — А ты знаешь, что именно Крон «отменил» белых и черных магов? Соответственно, все они стали просто магами, разве что нумерацию по уровням силы получили. То есть, раньше ты был грязным некромантом, а сегодня стал гордо зваться Магом Четвертого Уровня.

— И зачем это Крону?

— Думаю, чтобы удобнее было черную магию практиковать, хотя кто его разберет. Он ведь единственный Маг Четырех Стихий, у него в голове всякое творится.

Вспомнив, что нечто подобное говорила Сандра, Ламия переспросила:

— Четырех стихий? А разве не все маги могут погодой управлять, огнем бросаться, гигантские растения из земли выращивать? У нас в деревне одно время колдун бродячий жил. Так он все это умел — и дождик вызывал, и тыкву в огороде надувал до размеров бочки, и очаги одним дыханием разжигал.

— В том-то и дело, что — дождик, тыква, очаг, — назидательно подняла палец Ева. — Это работа обычного колдуна. Если бы у вас гостил повелитель стихий, то звучало бы так: буря, лес, вулкан... Чувствуешь разницу? Как правило, природой занимаются опытные маги, которые могут овладеть одной, от силы двумя стихиями. А Крон — всеми четырьмя повелевает. Я тоже слышала, что характер у него, как ослиная моча на вкус, но правда в том, что в истории Альцирона никогда таких сильных магов, как он, не было, — помолчав, Ева добавила. — И угериты на нас из-за него не нападают. Я этих зверей до жути боюсь.

— Думаешь, Крон практикует черную магию? — Ламия вернула разговор в интересующую её тему. Каменный алтарь и коллекция ритуальных ножей, увиденные в пещере, не давали покоя. — Жертвы человеческие приносит?

— Может, и приносит, — пожалала плечами Ева. — Но лично я ни о чем подобном не слышала. Черных колдунов сразу видно. У них взгляд такой неприятный, настырный и в голову проникающий. Встретишь такого — и несколько дней забыть о нем не можешь.

«Прямо про Крона», — невольно подумала Ламия.

— Ты просто новенькая, еще ничего не знаешь, но всех черных магов Альцирона по пальцам можно пересчитать, и сюрпризов среди них не бывает. Вот, например, взять Хартум. Главный боевой маг города — Каэл Великолепный, в прошлом грязный некромант и чернокнижник. А сейчас — уважаемый человек.

«Кажется, Крист говорил, что Каэл — его отец», — вспомнила Ламия, удивившись неприязни, прозвучавшей в голосе Евы. Похоже, девушка держала злость уже на всю семью.

— А вот еще один злодей, который доброе имя получил — Дженей Диздерий. Все помнят, что он десять мальчиков в жертву Черному Кормаку принес, но все дружно про это молчат, потому что Дженей теперь лично управляет пятью башнями силы, охраняет границы от врагов и преподает боевую магию в Академии. И называют его не детоубийцей, а боевым магом второго уровня.

— Кому в жертву принес? — переспросила Ламия, услышав новое имя.

— Ты что, про Кормака не слышала? — на этот раз пришла очередь Евы удивляться.

На них шикнули, и Ева понизила голос.

— Кормак Черный, любимец судьбы и великой матери Никты — его по-разному называют. Он считается повелителем всех магов, в первую очередь, черных. Да ладно, ты меня удивляешь. Разве у вас в деревне детей Кормаком не пугают? В Хартуме каждый малыш знает, что если будет хулиганить, то за ним придет Кормак Черный.

— Нет, про такого не слышала, — наморщила лоб Ламия, вспоминая. — Лешим пугают, водяным, домовым... Ну, дьяволом разумеется, как же без него.

— Эх ты, невежа, — беззлобно протянула Ева. — Между прочим, если верить сказкам моей бабули, то дьявол — дедушка Кормака. А сам Кормак — чудовище страшное. У него тысяча глаз, столько же рогов и клыков, а еще щупальца и руки с жалами вместо пальцев. Плюется огнем и убивает одним взглядом. И воздух вокруг него сразу в ядовитый превращается. Такая вот страхолюдина.

— А ты в него веришь? По-моему, небылица какая-то.

— Ну, как сказать, — пожала плечами Ева. — В чудовище, конечно, не верю, но возможно, был раньше какой-то черный колдун по имени Кормак, наворотил всякого, оставил за собой дурную славу, ну и увековечил себя в народной памяти. Не думаю, что такие, как Дженей или Каэл, будут верить в Единого. Им свои боги нужны, вот они и вытаскивают имена из прошлого. Но это я сейчас такая умная, а в детстве, знаешь, как страшно бывало. Порву новое платье или еще чего натворю, а бабуля сразу: «Кормака тебе на голову, несносная девчонка!» Потом всю ночь обычно вертишься, заснуть не можешь. Придет этот Кормак за тобой или не придет...

Ева вдруг укололась сухим цветочным стеблем и, чертыхнувшись, засунула пораненный палец в рот. Разговор утих, и Ламия вернулась к платью. Она не заметила, как в комнате стало так душно, что в глазах двоились фигуры. А может, у нее снова поднялся жар. И хотя ей стоило думать о предстоящем вечере, мысли упрямо возвращались к хозяину замка. Ламия попыталась себя успокоить, напомнив, что Крон был главным защитником Альцирона и, возможно, именно благодаря ему у нее было мирное детство, но обида оказалась неожиданно сильной.

«Кормака тебе на голову, проклятый колдун», — в сердцах пожелала Ламия, но на душе легче не стало.

ГЛАВА 4. Пир Сияющих

Ламия ожидала, что будет нелегко, но вечер только начался, а она уже чувствовала себя так, словно отработала несколько суток подряд без сна и пищи. Усталость накатывала огромными волнами, заставляя останавливаться в темных уголках, чтобы на миг закрыть глаза и прислониться к стене. Простуда оказалась куда более серьезным врагом, чем она предполагала, и даже тайком выпитая рюмка смородиновой настойки, которую она отыскала в комодке зеленщика, не придала бодрости.

Пять праздничных залов, где проходил пир, находились на верхних этажах главного донжона, и Ламия вздохнула с облегчением, выяснив, что ей нужно подняться по лестнице только раз и остаться наверху на всю ночь. Смену блюд и все необходимое для обслуживания приносили другие слуги. Глядя на крепкие икры лакеев в обтягивающих лосинах, Ламия невольно позавидовала. А секрет стройности ног, оказывается, несложен — стоит лишь по несколько раз в день подниматься на верхний этаж крепости. Парадная лестница, ведущая к праздничным залам, превосходила самые смелые фантазии. Поражало все — белоснежные ступени длиной с отцовское поле для кукурузы, изящные статуи по краям, причудливые перила, альковы из цветов и такое обилие свечей, что все жители деревни вряд ли смогли сжечь столько даже за год. А еще над лестницей гулял легкий ароматных ветерок, навевающий желание скорее забыться в танцах, раствориться в толпе, оставить печальные мысли и жить только этим моментом — волшебным и прекрасным, как магия.

Слугам полагалось подниматься по узким лестницам, идущим параллельно парадной. Как она не бодрилась, но подъем забрал все силы, и сами банкетные залы не произвели сильного впечатления. Да у нее и не было времени их разглядывать. У двери ее поймала Лина и утащила к столам, расставленным причудливыми фигурами по огромному помещению. В глаза бросалось обилие живых цветов, среди которых господствовали белые лилии и калы, гигантские люстры под сводчатым потолком, отполированный до блеска каменный пол с вкраплениями золотых линий, витые колонны, уходящие в высоту. По одной стене зала тянулись в ряд альковы с уютными диванчиками и тяжелыми занавесками, создающими камерную атмосферу, по другую — стрельчатые окна с витражами и балконные двери с заманчиво приоткрытыми створками. В зале находилось несколько возвышенных площадок. На одной был накрыт изящный шатер из цветов и кружевной ткани — Ламия решила, что это место Крона и почетных гостей, на другой уже настраивали инструменты музыканты, на третьей площадке готовились к выступлению циркачи, и она с трудом оторвала взгляд от гимнастов и фокусников. На четвертом возвышении располагался фонтан в человеческий рост с густой черной водой, и только подойдя ближе, девушка поняла, что за бортиками плещется самый настоящий шоколад. Как-то отец привез всем детям в подарок шоколад из города, но Ламии вкус не понравился — слишком терпкий и вяжущий. Она предпочла бы съесть сахар просто так, не портя его разными примесями.

Столы уже были накрыты, и от разнообразия блюд кружилась голова. Ламии потребовалось время, чтобы разглядеть, где украшение, а где пища — так изящно все было приготовлено. Здесь возвышалась гора сверкающей хрустальной посуды — винных и коньячных бокалов, рюмок, шампанок, там громоздились креманки, закусовые и пирожковые тарелки, между ними сверкали изящные приборы, а в центрах столов возвышались пирамиды из цветов, подсвечников и фруктов. По мнению Ламии, куда проще

было усадить всех гостей и по рангу обслужить, но Хозяйка объявила, что пир будет фуршетный. Слово было незнакомое, и, хотя девушке объяснили, что оно означало, все происходящее казалось чудным. Зачем ходить по залу с тарелкой в руках, когда удобнее кушать сидя? И совсем уж непонятным представлялась ее собственная миссия — кружить по залу с тарелкой нарезанных фруктов. Учитывая количество накрытых столов, вряд ли гости смогут пройти мимо угощения. Но раз Хозяйка сказала, значит надо. Свои две главные задачи Ламия помнила хорошо — дожить хотя бы до полуночи и не попасться на глаза Крону.

— Ну как? Готова? — к ней подбежала раскрасневшаяся Лина, которая пыталась быть везде и сразу. — Сейчас гости пойдут. Все помнишь? Главное, улыбайся. Твоя зона — треть зала от той колонны с розами до каминов. В другие залы не ходи, тебе бы с этим справиться.

Это была сущей правдой, и Ламия благодарно улыбнулась в спину убегающей официантки. Если она не вылетит с работы после сегодняшнего вечера, то постарается сделать так, чтобы мыть посуду до конца контракта и никогда не попадать на подобные мероприятия. Лине и другим служанкам она искренне сочувствовала.

Плавно полилась музыка, высокие парадные двери распахнулись, и зал стал наполняться людьми, каких Ламия раньше видела только на картинках. Сияющие — так в Альцироне называли людей благородной крови — действительно, сияли. Они отличались от всех знакомых Ламии, как золото, побывавшее в руках ювелира, отличалось от неприглядного самородка. Слишком чистые добрые взгляды, слишком приветливые улыбки, слишком выверенные движения. Она знала, что судит предвзято, потому что грудь горела огнем от узкого корсета, голова гудела от внутреннего жара, а в каждом Сияющем проглядывал то Крест, то сам Крон — люди другого круга, но не могла с собой ничего поделать.

Мужчины были одеты в роскошные синие или черные камзолы, расшитые золотом и драгоценностями, некоторые носили маски. Дамы блистали красными, желтыми и зелеными одеяниями со шлейфами и кринолинами, с перьями в замысловатых прическах и с веерами. На одних были фантастические кольца, на других диадемы, на третьих — и то, и другое сразу. Ламия подумала, что ее белое платье служанки будет выделяться во всем этом многоцветии, как ранний снег на клумбе с цветами, и поняла, что остаться незаметной вряд ли получится.

Глубоко вздохнув, она прислонилась к колонне, ощутила спиной твердую поверхность, но лучше себя не почувствовала. Никогда в жизни Ламия так не волновалась. На миг ее накрыло ощущение неминуемой беды. Что-то надвигалось, и легкая, веселая музыка, льющаяся с площадки неподалеку, лишь усиливала чувство опасности. Поискав глазами Крона, Ламия нигде не нашла хозяина замка, но вряд ли он явился бы с первыми гостями. Даже молодожен еще не было. Люди не спеша расходились по залу, пробовали напитки, смеялись, непринужденно болтали и любовались огромной луной, которая повисла над Маро Озером. Ламии отчаянно захотелось оказаться на крыше Северной Башни — там, где только ветер, и больше никого, но вот Лина махнула рукой, а значит, пора было приступать.

Поправив салфетку на подносе, Ламия наспех повторила теорию — ставить тяжелые предметы в центр, легкие к краю; переносить поднос на всей ладони; ни в коем случае не опускать до колен пустую тарелку; — затем глубоко вздохнула и отправилась к сервировочному столу за первой порцией фруктов.

Через час она забыла и о давящем корсете, и о простуде, и о тревожном чувстве, которое охватило ее накануне пира. Ламии вообще некогда было думать. Неожиданно заболели еще две официантки, которые не смогли оправиться от отравления, и всем служанкам пришлось разделить их обязанности. Теперь Ламия на только кружила вокруг дам по заранее

продуманной траектории, но еще меняла грязные тарелки, убирала пустые креманки, раскладывала новую посуду, следила за уровнем шоколада в фонтане и с обмиранием сердца заглядывала в альковы, чтобы спросить, нужно ли чего отдыхающим. Если с первыми обязанностями она справилась легко, словно занималась этим с рождения, то с последним выходило трудно, так как Ламия боялась нарваться на Крона или Криста.

Однако или их не было в зале, или они пировали в той части, которую обслуживала другая служанка, но пока все шло гладко. Ламия никого не толкнула, ничто не разбила и ни разу не вызвала гневного взгляда. Гости улыбались ей так ласково и приветливо, словно она была большой сахарной бабочкой, вызывающей исключительное умиление. Даже Лина удостоила ее довольным кивком, а Ева, которая чувствовала себя на пиру, как рыба в своей стихии, подбадривающе хлопнула по плечу, когда они встретились у сервировочного стола.

Пробегая мимо зеркала, Ламия бросила на себя быстрый взгляд. Она думала, что у нее лицо цвета вареного рака, так как жар ощущался теперь не только в голове, но и во всем теле, однако из зеркала взглянула очень бледная девушка с белыми волосами, собранными в пучок, и в белом платье с букетиком маргариток, приколотым к воротнику. Вся белая — как невеста, подумала Ламия и некстати вспомнила башмачника, познакомившего ее с двумя ранее неизвестными чувствами — влюбленностью и предательством.

Скрывшись в пустом алькове, девушка принялась усиленно щипать себя за щеки и кусать губы — плавать и дальше бледной молью по залу было бы неприлично.

Когда ее тронули за плечо, она едва не закричала от неожиданности, так как была уверена, что в алькове никого нет.

— А я тебя давно жду, — сказал Крист, появляясь за ее спиной. Она резко повернулась и уставилась в птичий клюв, покрытый синими блестками. Даже сквозь маску чувствовались острые пары коньяка и какой-то травы. А вот и беда, которую она ждала.

— Как ты тут оказался? — спросила она спокойно, помня их последнюю встречу и главное правило: не провоцировать.

— Магия, детка, — ухмыльнулся Крист и подтолкнул ее к стене. — Пойдем, поговорить надо.

— Я на работе, — мягко возразила Ламия, — давай в следующий раз?

Она попятилась, но вместо того, чтобы упереться спиной в стену, провалилась в пустоту. Сзади оказалась дверь. Она и не знала, что альковы, предназначенные для уединения, вели куда-то еще.

— Это тоже магия, — жарко прошептал Крист ей на ухо. — Называется портал обыкновенный.

Похоже, настал тот самый момент, когда полагалось кричать, но молодой ведьмак вдруг сорвал с лица маску и уставился на нее таким странным взглядом, что Ламия проглотила крик и вместо того чтобы сопротивляться, покорно поплелась за ухажером по темному коридору. Девушка смотрела под ноги, но везде видела глаза Криста. Сам он шел чуть сзади, поддерживая ее за талию и направляя в нужную сторону. Мысленно Ламия понимала, что ее либо заколдовали, либо загипнотизировали, но тело больше не слушалось. Неужели так заканчивали все молодые служанки, отвергнувшие ухаживания ведьмака?

Шли долго. Отзвуки пира давно смолкли, а шаги колдуна и свои собственные она не слышала, так как сердце колотилось так, словно внутри груди у нее натянули барабан. Наконец, темнота стала не такой густой и перед глазами замаячили узкие овальные просветы, напоминающие замковые окна. Над ухом щелкнули пальцами, а в следующий миг

вспыхнул свет, плавно замерцавший над рукой колдуна. Крист поднес горящие пальцы к подсвечнику, осветив длинный коридор, с обеих сторон которого возвышались ряды шкафов, забитые книгами. Полки уходили до бесконечности вверх, где скрывались в кромешной тьме. Света подсвечника хватало лишь для того, чтобы осветить ближайшие ряды книг, возбужденное лицо Криста и ковровую дорожку на полу, уходящую в обе стороны также в никуда.

— Не хотел, чтобы по пути нас заметили, — глухо прошептал Крист, объясняя, видимо, почему они шли в темноте. Тон ведьмака Ламии совсем не понравился. — Пир пиром, а любопытных здесь хватает. Ну что, приступим? Всегда хотел сделать это на кучке магических книг Крона. Кстати, мы в его личной библиотеке. Говорят, здесь больше миллиона книг по магии. Впечатляет, да?

Ламия многое бы отдала, чтобы научиться разговаривать глазами, но пока она могла только хлопать ресницами. Ни тело, ни язык не слушались. Проклятые маги! Кажется, они сговорились, чтобы за короткое время воспитать в ней дикую ненависть ко всему магическому.

— Давай, раздевайся, красавица, — скомандовал ведьмак, и Ламия с ужасом поняла, что не просто слушается, а старается выполнить приказ как можно скорее.

Самое удивительное было то, что она еще никогда не раздевалась так ловко — пальцы не путались в шнуровках, а юбки не цеплялись за ноги, будто одежда сама хотела от нее избавиться. С корсетом Ламия рассталась почти с удовольствием, так как дышать сразу стало легче. Скинув белье, она вытянулась перед Кристом, поражаясь собственному спокойствию. Она стояла полностью обнаженная перед человеком, у которого были вполне понятные намерения, а тревожило ее почему-то лишь то, что они находились в личной библиотеке Крона. Наверное, если бы дело происходило в другом месте, она вообще бы ни о чем не переживала. Всею виной простуда, равнодушно решила Ламия, наблюдая, как пальцы Криста гладят ее кожу. Интересно, он всех своих любовниц обездвигивает? Жаль, не было времени поговорить об этом с Евой. Если так, то у парня явно проблемы.

— О, детка, — хрипло прошептал ведьмак, с явным трудом отходя от нее. — Нужно все сделать правильно, потому что второго шанса у нас не будет. Завтра я убегу отсюда, и сегодня мне можно все. А в награду за то время, что я подарил Крону, я возьму его прелестную служанку. Ты красавица, Ламия, тебе говорили об этом? Может, хочешь со мной? Я еду в Цертуссу, страну шаманов и свободной магии. Впрочем, не думаю, что ты согласишься. В Цертуссе женщинам не место.

Продолжая болтать о путешествии и цертусских шаманах, Крист принялся тыкать пальцами в книги на полках, отчего они подпрыгивали с мест и медленно слетали вниз, оседая на полу горкой. Когда книг на ковровой дорожке образовалось достаточно, Крист раскидал ногой вершину кучи, сделав ее ниже, и велел Ламии лечь — прямо на книги. Девушка давно поняла его замысел и не знала, чего бояться больше — предстоящего насилия или надругательства над магическими книгами Крона. Почему-то последнее казалось совсем ужасным.

Видимо, вопрос в ее глазах был настолько явным, что Крист решил объяснить.

— Видишь ли, детка, — вздохнул он, развязывая пояс на штанах, — в этой библиотеке я потерял столько часов, что просто не могу уйти хотя бы без маленькой мести. Крон помешан на книгах, даже трогать их без специальных перчаток не разрешает. При этом, заставляет всех колдунов вроде меня — то есть без достаточного, по его мнению, опыта — пропадать за

книгами сутками. Моя же магия — врожденная, мне другие знания ни к чему. Со своими бы разобраться. Весь наш мир подобен океану. Огромные волны магии пронизывают его сверху донизу, превращая людей в игрушки, за исключением тех, у кого хватает ума и сил подчинить эти волны себе. Таков Крон, он человек, который научился управлять волнами. Я же — сама волна. Магия во мне, и таких, как я, в Альцироне немало. Крон же не признает наши таланты, заставляя учиться в Академии или тратить время в своей библиотеке. К примеру, я взломал его защиту всего за три часа. Возможно, когда я вернусь в Альцирон из Цертуссы, Крон уже не сможет быть главным магом.

Крист подмигнул ей, сбросил одежду и, направив палец ей в лицо, заставил поднять голову, давая себя рассмотреть. У него были крепкие руки и сильные плечи человека, хорошо знакомого с физическими нагрузками, накачанный торс и татуировка в виде змеи на всей груди — остальное, к счастью, скрывала темнота.

— Ладно, приступим, — распорядился ведьмак. — Да, расслабься ты, Крон здесь не объявится. Он сегодня весь вечер будет занят со своим дружкой и его женой. Кстати, если у нас получится ребеночек, назови его в мою честь. Как ни как, колдуном родится.

Ламия лежала на спине, чувствовала, как в лопатки упираются твердые корешки книг, вдыхала запах бумажной пыли и тихо радовалась тому, что не может говорить. Потому что она точно не знала бы, что сказать главному магу, который вдруг появился в поле тусклого света и вырос над головой Криста. Крон парил в воздухе, спускаясь откуда-то с верхних полок, и ей очень хотелось бы, чтобы он слышал всю речь юноши — с самого начала. Потому что, как только Крист склонился над ней, ее руки и ноги плавно задвигались, ласково обвиваясь вокруг тела ведьмака. Что бы там ни говорил молодой колдун, но выглядели они, как двое любовников, уединившихся в библиотеке, чтобы удовлетворить тайную извращенную страсть — предаться любви на магических книгах.

Если Крист по-прежнему не видел Крона, то Ламия хорошо разглядела, как задергался глаз у вечно невозмутимого мага. Какое-то время он наблюдал за ними, и она на миг даже испугалась, что он так и не вмешается, но, видимо, шок Крона при виде надругательства над книгами прошел, потому что Крист вдруг отпрянул и, став белее ее платья, вытянулся в струну, а потом грузно осел мешком у книжного шкафа, словно из него вытащили позвоночник.

— Это все девчонка! — прохрипел он, показывая на Ламию. — Сказала, что на ваших книгах хочет, мол, в отместку за то, что вы ее оштрафовали.

Крист замолчал, то ли собираясь с духом, то ли потому что ему заткнули рот, Крон же, глаза которого уже загорелись недобрым огнем, вдруг резко потерял к ним интерес и, отвернувшись, уставился в темноту.

— Вы здесь одни, или еще кого привели? — спросил он, напряженно всматриваясь в коридор между стеллажами.

— Одни, — пискнул Крист и, откашлявшись, произнес солиднее. — Никого больше не чувствую. Я виноват, на поводу девки пошел, но клянусь...

— Заткнись, — прошипел Крон и поднял вверх палец. Ламия с удивлением заметила, что палец дрожал.

А в следующий миг главный маг стремительно развернулся и бросил на нее свой плащ, который вдруг превратился в паутину, плотно облепившую ее с головы до ног.

Когда Ламии удалось освободить лицо из удушающих объятий, реальность исказилась.

Тьма пропала, ее место заняла колыхающаяся масса зловонной, осклизлой плоти,

которой обросло пространство по обоим концам коридора. Из нее торчали клыки, гигантские иглы и отростки, напоминающие жала. Сверху чернота тоже исчезла, теперь там образовалось гнездо из бурлящих, извивающихся щупалец, которые тянулись вниз, оплетая корешки книг и сползая с каждой секундой все ниже. Казалось, что библиотеку накрыло пузом гигантское чудовище, вывалившееся из другого мира.

Ламия уже не пыталась освободиться из-под плаща. Наоборот, она вцепилась в него изо всех сил и тщательно закуталась, надеясь, что ткань спрятала все ее тело. Потому что, глядя на то, что происходило с магами, она поняла — ее хотели не убить, а спрятать.

Крист катался и корчился по полу, сдавливая руками виски, а между пальцев у него ручьями хлестала кровь. Он кричал так, словно горел на костре. Однажды отец взял Ламию в соседнюю деревню на ярмарку, где в то время казнили преступника — сжигали заживо. Человек тогда кричал точно так же.

Главный маг валялся рядом с молодым ведьмаком. Он скреб пальцами по ковровой дорожке, пытаясь стащить себя с огромного жала, которое пригвоздило его к полу, словно жука в альбоме коллекционера. Крон плевался кровью и хрипел, выдавливая из себя страшные по звучанию слова, но искры на его пальцах, гасли так же быстро, как и рождались. Маг не сдавался. Широко открыв рот, он выпустил смерч, который стремительно вырос и закружился вокруг жала, торчащего из его спины. Едва коснувшись острия, ветер превратился в огонь, облепив лавой и жало, и человека. На миг все скрылось в ослепительной вспышке, а когда дым рассеялся, Ламия увидела, что маг ползет к ней — еще не в силах идти на ногах, но избавившись от ловушки, пригвоздившей его к полу. Их глаза встретились, и Ламии стало нехорошо. Такого страха она не видела даже у смертников, каких иногда проводили через их деревню по пути к угеритской границе.

В голове пронеслась сумасшедшая мысль помочь Крону — подбежать и накрыться с ним вместе плащом, но прочитав все в ее глазах, главный маг отчаянно затряс головой. Сомнений не было — жест предназначался ей. Взгляд упал на Криста, однако он откатился совсем далеко, почти под край нависшей над библиотекой туши. Ведьмак пребывал в агонии, он уже не кричал, а вытянувшись во весь рост, судорожно дергался, будто невидимые духи дергали его за руки и ноги.

Крон уже почти дополз до первой книги из кучи, на которой продолжала сидеть Ламия, когда с неба упало еще одно острие, пронзив его в грудь. Маг встрепенулся, словно собираясь с силами в последний раз, но тут же обвис, уткнувшись лицом в пол в двух шагах от ноги девушки.

Но Ламия на него не смотрела. Все ее внимание было приковано к чудовищу, которое не спеша проталкивало жирную тушу по коридору, неминуемо приближаясь к ним. Крист давно пропал из виду, скрытый чудовищной плотью. «У него тысяча глаз, столько же рогов и клыков, а еще щупальца и руки с жалами вместо пальцев. Плюется огнем и убивает одним взглядом. И воздух вокруг него сразу в ядовитый превращается», — пронеслись в голове слова Евы, и Ламия похолодела. Потому что отчетливо вспомнила, как призвала Кормака на голову Крона накануне пира.

Другие мысли, а вместе с ними и выводы родиться не успели, потому что чудовище перестало двигаться. Замерло вообще все — даже пылинки, кружащие в отблесках света. В наступившей тишине Ламия поверила в то, что оглохла. А возможно, и ослепла тоже. Человек у неподвижной туши возник так внезапно, что будь она той Ламией, которая не видела, как главного мага Альцирона распяли на полу, словно мотылька, то, наверняка,

закричала бы от дикого, неконтролируемого испуга, ведь безмолвные чары Криста давно исчезли. Но сейчас она могла лишь смотреть, как человек неслышно ступает по ковру, с довольным видом приближаясь к Крону.

На вид он был даже моложе Криста, хотя вряд ли мог сравниться с ведьмаком внешностью и статью. Невзрачный, щуплый паренек производил впечатление недокормленного, болезненного подростка, забитого сверстниками и непонятого близкими. Ламия решила бы, что он еще одна случайная жертва твари, если бы не красный камзол, расшитый золотыми блестками, и глаза хищника, довольного охотой. Именно взгляд выдавал в нем главное: он и был тварью, которая осталась позади пустой оболочкой, ожидающей хозяина.

— Надо ж, как тебя разворотило, — проворчал парень, переворачивая Крона на спину. Грудь мага напоминала одну сплошную рану. Жало исчезло, едва мальчишка приблизился. Не замечая Ламии, да, похоже, и всего окружающего, незнакомец достал из ножен на поясе кинжал с кривым лезвием и, не колеблясь, вонзил его в живот жертве.

Вот тогда Крон и закричал. От неожиданности Ламия дернулась, от чего несколько книг упали со своих мест, но парень был полностью поглощен тем, что вспарывал живот главному магу Альцирона, словно дыры в его груди было недостаточно.

— Кормак, — прохрипел Крон, и Ламия не удивилась, услышав это имя. Однако удивилась тому, что маг все еще жив. Его искаженное болью лицо напоминало застывшую маску, но глаза смотрели осмысленно и с ненавистью, которая вытеснила страх. А еще с волос мага слезла чернота, открыв их естественный цвет, однако казалось, что Крон поседел от первоначального испуга.

— Ай-ай, — прицокнул языком тот, кого называли Кормаком. — Что же ты дергаешься, у меня линия нервно пошла. Придется кромсать заново.

— Ты пришел молча.

— А что ты хотел услышать? «Настал твой смертный час, оставь заботы о детях, имуществе и пище. Думай о том, что твоя душа в форме белой капли отправляется в святые земли невообразимого лучезарного Единого Бога». Так, кажется, у вас мертвецов провожают? Ну, извини, это не ко мне, а к дедуле. Кто не умеет плавать, тот идет ко дну.

— Я еще жив.

— Конечно, жив, — почти радостно воскликнул Кормак. — Мертвый ты мне не нужен. А я тебя предупреждал. Помнишь, нашу встречу сто лет назад? У тебя было время подготовиться, с близкими попрощаться. А ты что? Подставил Цертуссу, пришлось их первыми завоевывать. Вы вторыми будете, а напоследок угеритов прихвачу, с ними проблем меньше всего, потому что на востоке меня любят и уважают — в отличие от вашего негостеприимного государства. Но ваш мир мне вот так нужен, — Кормак провел окровавленным пальцем у себя по горлу. — Позарез, как вы говорите.

— Здесь не место для ада, — прохрипел Крон, впрочем, даже не пытаясь помешать Кормаку копаться у себя в животе.

— Да, ты говорил, помню, — рассеянно произнес парень и вытащил из мага какие-то внутренности. Ламия резко зажмурилась, чтобы не крикнуть.

— Как много кишок у тебя, Крон, — фыркнул Кормак, — не поймешь сразу, где нужная. А что касается Альцирона, то у вас слишком хорошее географическое положение, нельзя пренебрегать таким местом. К тому же, у дедушки скоро юбилей, надо уважить старика. Альцирон будет прекрасным новым адом, а ты станешь первым грешником, который займет

почетное место в главном котле, или что там у дедули имеется. Но только после того, как мы закончим. Кстати, ты меня удивил. Когда сто лет назад я сказал, что мне нужен сильный колдун для портала, ты все понял по-своему, по-кроновски. Начал армию боевых магов собирать, прятать колдунов в замке под свое крылышко. Даже смешно. Мог бы пораскинуть мозгами и сообразить, что для адова портала ни один рядовой маг не годится. Я тебе специально сто лет дал, чтобы ты окреп и стал сильнее. Но для тебя все закончится печально, потому что следующий век ты проведешь в виде двери. Вот только с потрохами твоими разберусь. Для портала все правильно нужно сделать, не торопясь. А раньше дедуля никак не управится. У него, знаешь, сколько всего накопилось, за раз не переместишь. И вывод для тебя какой? На каждую большую рыбку найдется рыбка покрупнее. Ага, нашел!

Дернув что-то из мага, Кормак с довольным видом отрезал ненужную, по его мнению, деталь. Крон даже в лице не изменился. На миг Ламия подумала, что главный маг давно умер, но тут их глаза встретились, и она поняла: Крон жив, и он чего-то ждет.

— У тебя тут столько книг, — буднично заметил Кормак и, вытащив одну из кучи, где сидела девушка, почти заботливо подложил ее под голову мага. — Может, тебе достать какую-нибудь напоследок? Я вполне нормально отношусь к последнему желанию.

— Да, — прохрипел маг. — Мне нужна та черная с золотым корешком, что на полке слева у твоей головы. Моя любимая.

— А что в ней? — Кормак вытащил руки из живота Крона и с интересом потянулся к книге. Полистав ее, мальчишка неприятно рассмеялся.

— Маговы штучки, — хмыкнул он. — Пустые страницы с невидимыми заклинаниями. Как по-человечески. Да на читай, пожалуйста, мне не жалко. Тебе на какой странице открыть?

— Триста семьдесят второй, — отчеканил Крон, не сводя глаз с книги.

Кормак старательно отсчитал нужную страницу и с той же заботой вложил ее в дрожащую руку мага.

— Думаю, там написано: «Если враг твой голоден, накорми его, если жаждет, напои его, не будь побежден злом, но побеждай зло добром». Это хорошие слова, мне они всегда нравились.

— Эй ты, рыло поганое! Дерьма кусок, гнида уродливая! — голос Криста вдруг разорвал библиотечную тишину, врезавшись в нее, словно боевой корабль, спущенный с причала на воду.

Добродушная ухмылка слетела с лица Кормака так же быстро, как его человеческая оболочка лопнула, обрызгав Крона черной жижей. Гигантская туша задвигалась, щупальца заизвивались, но момент был упущен. Крист, выросший до размеров Северной Башни, превратил свои руки в острые жала-крючья, которые теперь рвали на части плоть чудовища, отрывая от нее огромные куски, шлепавшиеся на пол подобно гигантским булыжникам. Ведьмак ловко карабкался по малоподвижной туше, нанося точные удары то тут, то там, и подбираясь к глазам, открывшимся наверху, под потолком. Реальный мир давно перестал существовать в привычном понимании, растянувшись до великаньих размеров.

От сотрясения пола кучка книг рассыпалась, и Ламия, не удержавшись на вершине, подкатилась прямо к Крону, стукнувшись о его тело — окровавленное, израненное, но не безвольное. Неожиданно сильная рука подтянула ее ближе, и вот они уже вместе лежали под плащом, накрывшим их невидимым шатром. Одной рукой маг обвивал ее за талию, другой придерживал вываливающиеся из живота внутренности, книга с напивавшимися

кровью страницами лежала у него на груди, закрывая страшные раны.

— Ламия, — почти нежно прошептал Крон. — Ответь мне честно, ты еще девственница?

Более неожиданного вопроса она не слышала, но, взглянув на то, как Кормаг, оправившись от внезапного нападения, в свою очередь отрывает куски от Криста, поняла, что должна ответить быстро и со всей честностью.

— Да, — сдавленно прошептала она, боясь даже предположить, к чему приведет ее ответ.

— Я так и подумал, — прохрипел маг. — Мне нужна твоя кровь.

Она не сопротивлялась, когда он взял ее руку и, впившись зубами в запястье, разорвал вену. На Ламии давно не было никакого заклятья, но она не могла пошевелиться — от боли, ужаса и от необычной нежности, которую вдруг испытала к этому человеку. Крон являл собой пример невероятного мужества, и ей хотелось стать хотя бы малой частью его подвига. Наверное, в тот момент она могла бы отдать ему свое сердце, если бы он попросил.

Когда маг оторвался от нее, рука онемела, но двигалась. Крон же явно почувствовал себя лучше. На Криста, который все еще дрался с Кормагом, он посмотрел, как на покойника. Ведьмак был обречен.

— У нас всего один шанс, — сказал Крон так спокойно, словно перед ним не сидела голая перепуганная девушка, в десяти шагах от них не рвали на части человека, а из него самого не вываливались внутренности. — Надеюсь, Крист подарит мне это время.

Они сидели так тесно прижавшись, что Ламия ощущала, как кровь струится из ран мага и льется на ее тело. Возможно, у нее были галлюцинации, и она разговаривала с покойником. Даже колдуны не смогли бы выжить с такими ранами. А еще ее терзал вопрос: почему Крон сам не спрятался под плащом, а отдал его ей? Если от его жизни зависела свобода, да и вообще существование Альцирона, то разве не естественно пожертвовать какой-то служанкой ради собственной безопасности? Не вышло поведение мага с тем образом, который успел сложиться в ее голове.

— Ты мне нужна, Ламия, — сказал Крон, раскладывая у нее на коленях ту самую книгу, которую подал Кормаг, — но тебе нельзя слышать то, что я сейчас произнесу. Поэтому я закрою тебе уши. Не двигайся.

Ламия очень хотела жить. Она понимала, что Крон был единственной слабой защитой между ней и той тварью, которая не догадывалась о ее существовании, но которая уничтожила бы ее, даже не заметив. Когда маг сдавил ее голову с двух сторон окровавленными ладонями, Ламия подумала, что оглохла. Мир не просто стал тише — в нем исчезли абсолютно все звуки. Беззвучно, из последних сил, дрался ведьмак с Кормагом, и ни у кого не возникало сомнений, что чудовище просто играло. Беззвучно падали с полок магические книги, иногда сгорая в полете раньше, чем долетев до пола. Беззвучно шевелил губами Крон, и его глаза были страшнее смерти. Не моргая, маг смотрел на нее, повторяя одно слово, и каждый раз, когда он открывал рот, из него текла кровь, на которую он давно не обращал внимания. Не может в человеке быть столько крови, подумала Ламия, ощущая под собой влажный, набухший ковер.

А затем она закрыла глаза, решив, что, если останется в живых, то увидела достаточно, чтобы кошмары не оставили ее до конца дней. Исчезли глаза Крона, давно не было слышно звуков, и лишь теплые ладони мага мягко сжимали ее уши, покачивая голову Ламии из стороны в сторону. Она унеслась в такт этим странным движениям и почти убедила себя, что

спит, когда толчки стали сильнее. Ее отчаянно затрясли за плечи, и Ламия поняла, что руки Крона уже не сжимают ее голову. Да и мир перестал быть безмолвным, просто в нем поселилась тишина. Никто не рычал, не шипел и не дрался, не падали книги, не трещали свечи. Лишь два дыхания нарушало безмолвие магической библиотеки — ее собственное и еще одно, хриплое, прерывистое, с подсвистами и бульканьем.

— Посмотри на меня, Ламия, — раздался шепот у нее над ухом. — Только не кричи.

Ей хотелось закричать уже от одних его слов. Жаль, очень жаль, что все происходящее упорно не желало быть сном. Первым делом она посмотрела себе на колени, где больше не ощущала книги. Ее, действительно, там не было. На голых ногах Ламии лежал плащ Крона, который больше не служил невидимой защитой. Затем она увидела самого мага. Вернее, старика, в которого тот превратился. Если бы не одежда и не глаза, оставшиеся такими же черными и пронзительными, она бы не узнала главного мага Альцирона в том дряхлом деде, который сидел напротив и цеплялся за пол скрюченными пальцами. Одежда старика была по-прежнему заляпана кровью, но в дырах, оставленных жалом и ножом Кормака, раны не виднелись — на сморщенной стариковской коже не было ни одного шрама. Ламии приходилось видеть столетних дедов, но этому старику, наверное, было не меньше пары сотен лет. Лысый череп не сохранил даже остатки волос, кожа на лице обвисла глубокими складками, веки почти закрывали глаза, а губы расплзлись в стороны, обнажая редкие, побуревшие зубы. Крон не был красавцем в зрелости, но в старости стал настоящим чудовищем. Возможно, вся старость была такой — уродливой и омерзительной, ведь разве может быть иначе, когда тебе в затылок дышит смерть.

Маг поднял скрюченную руку и, указав в сторону, просипел:

— Пора убираться отсюда.

Вспомнив о Кормаке, Ламия уставилась на огромную плоть, утыканную щупальцами, клыками и рогами, которая никуда не делась. Кормака по-прежнему заполнял библиотеку, нависая сверху и наползая со всех сторон. Только теперь он не двигался. Его щупальца хаотично разбросались по воздуху, замерев в нелепых позах, несколько жал воткнулись в ковер рядом с Ламией и Кроном, а из одного отростка, угрожающе нависнувшего над людьми, отчетливо проступило человеческое лицо чудовища. Также замер и Крест, только если в недвижимой позе Кормака все было неестественно, молодой ведьмак лежал так, как полагалось лежать разорванному на части труп. Его голова отлетела почти к самым ногам Крона, а искореженное туловище выглядывало из-под навалившейся на него плоти чудовища. Крест был мертвее мертвого, и Ламия почувствовала, что плачет. Слезы хлынули из нее, словно кровь из колотой раны, и сдерживать их не было ни сил, ни желания.

— Это заклинание безвременья, — тихо просипел Крон, указывая на неподвижного Кормака. — Первое из трех, на которое у меня хватило сил. Я искажил время в библиотеке, и любой другой был бы обречен провести здесь вечность, но только не Кормака. Думаю, месяц у нас есть. Может, меньше. За это время мы должны закончить третье заклинание, чтобы справиться с ним, когда он очнется.

[Купить полную версию книги](#)